

КРИСТИНА ФРАНЦУЗОВА

РЕВНОСТЬ

*Исступленная любовь не способна к созиданию,
ей предназначено разрушать*

18+

Ревность

Кристина Французова

Ревность 2

«Автор»

2023

Французова К.

Ревность 2 / К. Французова — «Автор», 2023 — (Ревность)

2-ой заключительный том. Семейные ценности — вот что отстаивала Мирослава, когда любимый муж превратился в тирана. Она сбежала в ночь, в никуда, чтобы спасти собственную жизнь и остатки самоуважения. Не имея денег, жилья, работы, в руках один чемодан и диплом экономиста. Когда тебе 27, сложно начинать с нуля. Но судьбу не интересуют наши планы. Любовь обернулась разочарованием. Надежды испарились. Мечты остались в доме, из которого сбежала. Мирослава решительно/безрассудно перевернёт свою жизнь, но что ей это принесёт... Старые знакомые + новые роли = кто получит итоговый приз... ХЭ для героини есть (не путать с ХЭ для читателя).

© Французова К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 2. После ревности. Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	57
Глава 11	60
Глава 12	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Кристина Французова

Ревность 2

Часть 2. После ревности. Глава 1

*Приходи на меня посмотреть.
Приходи. Я живая. Мне больно.
Этих рук никому не согреть,
Эти губы сказали: «Довольно!»
Каждый вечер подносят к окну
Моё кресло. Я вижу дороги.
О, тебя ли, тебя ль упрекну
За последнюю горечь тревоги!
Не боюсь на земле ничего,
В задыханьях тяжёлых бледнея.
Только ночи страшны оттого,
Что глаза твои вижу во сне я.
А. Ахматова, 1912*

– Мирка, я дома! – после хлопка входной двери по квартире разнёсся звонкий голос Марины.

– Я на кухне! – крикнула в ответ.

Через несколько минут, в течение которых я слышала пыхтение в коридоре, мокрая черноволосая макушка показалась в дверном проёме.

– Ты не представляешь, снежище завалил все улицы, пробки жуткие. Без малого два часа до дома добиралась. Хотя тут ехать от силы минут тридцать.

– Да, видела в окно. Снег сыплет весь день не переставая, могу себе представить хаос на улицах. У тебя чёлка вся в снежинках, и ты похожа на снегурочку.

– Снегурочка блондинка, а я брюнетка.

– Тогда... – задумалась, припоминая сказочных красавиц, – будешь Белоснежкой!

Подруга скептически покосилась на меня и скривила губы в недовольной гримасе: – За ночь снега ещё больше выпадает. Завтра будет суший ад. Как добираться на работу?

Стало понятно почему у неё сердитый вид.

– На вертолёте? – я в ответ сморозила глупость, ну а чем не вариант.

– Где бы его взять. В аренду что ли?

– А-ха, фантазёрка. Поедешь как все.

– Все на автобусах или пешком, а я так не хочу. – Раздражение в подруге засело крепко.

– Значит вызовешь такси, сегодня же доехала.

– Угу, и всю дорогу слушала отборные маты от водителя. Вёз даму, а ругался как прораб. Удивительно, почему ему до сих пор никто язык не укоротил.

– Пожалей бедолагу, он весь день через автомобильные заторы катался, вот и не сдержался мужик.

– Конечно, тебе легко рассуждать сидя в тёплой, уютной квартире. Два часа тесного замкнутого пространства в компании с неизвестно-когда-в-последний-раз-мытым и матерящимся через слово мужиком и, поверь, твоя хвалёная терпимость пойдёт глубокими трещинами.

Я промолчала. Последнее время мысли о безделье доводили до приступов бешенства из-за собственной недалёковидности. И почему я в своё время не отстояла желание не сидеть истуканом дома, а работать? Теперь же при наличии диплома проблематично устроиться даже на самую низшую должность. Оказалось, что такие, как я, ежедневно пачками рассылали резюме работодателям в поисках работы.

– Извини, Мир. Я не хотела тебя обидеть, – подруга покаялась первой. Я же, чтобы не нагнетать и не разводить ссору на пустом месте, сразу ответила:

– Иди, мой руки. Будем ужинать.

Пока Маринка умывалась, успела накрыть на стол. Жаркое по рецепту тёти Маши пахло изумительно.

– Я решительно настаиваю, чтобы ты оставалась со мной как можно дольше, – с набитым ртом, глотая куски, толком не прожевав, подруга выражала свою признательность.

– Ты обед пропустила что ли?

– Шеф решил озвереть в новом календарном году.

– Вроде ты собиралась увольняться? Кстати, он лютует не по причине выписанной тобой отставки?

– И собираюсь до сих пор. Подыскиваю варианты. А из-за чего он бесится – понятия не имею, может жена плохо даёт или вообще не даёт.

– Да уж... Я наискалась вариантов, что тошнит от предложений на должность секретарши с бюстом не меньше третьего размера. Такими темпами работодатели вскоре вместо проверки дипломов о полученном образовании и тестов на профпригодность выставят фейсконтроль на пухлость губ и глубину глотки. Фу, чтоб всем сволочам пусто было, – меня непроизвольно передёрнуло от омерзения.

– А как ты хотела, подруга. В наш век демократии и процветания феминизма роль женщины по-прежнему – удовлетворять и вынашивать. На большее по мнению «сильного и умного» пола мы не способны, да от нас иного и не требуется. С остальным мужики сами успешно справляются, поэтому двух функций от женщин им вполне достаточно.

– Маринка, перестань. Ты говоришь отвратительные вещи.

– Зато честно.

– Хорошо. Если честно, то хочешь сказать, что твой Савелий такой же и ему от тебя нужно лишь удовлетворять и вынашивать?

– Хотела бы я тебе сказать, что он не такой, но реальность жестока.

Я округлила глаза в неверии:

– Ты не можешь говорить такие слова, после того как сама утверждала, что он весь из себя идеальный образчик мужчины и ты от него без ума.

– А как мои симпатии соотносятся с его желаниями? – Марина невозмутимо парировала в ответ, – мои чувства всего лишь отражают сделанный гормонами выбор подходящего самца, способного дать мне здоровое потомство. Я для него такая же подходящая самка, которая в состоянии выносить то самое потомство. Ну, и параллельно качественно удовлетворить. Или ты думаешь, он мечтает стоять со мной у живописного обрыва, трепетно держать друг друга за руки, встречая рассветы и провожая закаты? – она зло рассмеялась и резко отодвинула тарелку от себя, так и не доев до конца.

– Мариш, – мой севший голос полностью отражал всколыхнувшееся внутреннее переживание. У подруги явные сложности с доверием, – ты ведь не всерьёз? Мне кажется твоё состояние «после Самохина» говорит за тебя.

– Вот же ирония судьба, да Мирка? Мне можно сказать повезло, что гнилое нутро подонка-Самохина проявилось раньше времени. Я хотя бы не успела узаконить отношения. А после всего произошедшего со мной, ты умудрилась вляпаться по уши в точно такое же гов-

нище. Только уже побывала замужем и потратила уйму времени на того, кто в итоге оказался козлиным ублюдком.

Так-то Гера был рождён в законном браке своих родителей и мало подходил под определение «ублюдка», но заводить дискуссию на эту тему я поостереглась, учитывая настроение Марины, при всём том «козлом» он оказался самым настоящим.

– Может сменим тему? А то что-то невесело.

– Как всегда сделаем вид, что у нас всё хорошо. Мы наслаждаемся обыденными вещами вроде выпавшего снега и говорим всем подряд, что у нас всё замечательно, просто зашибись, – злость, исходящая от неё волнами, заполняла пространство кухни, искря и потрескивая как при высоком напряжении.

– Тебя бешеные мухи покусали в январе? Что происходит?

– Не знаю, Мир. Наверно месячные скоро.

– Врёшь.

– Когда собираешься переезжать в свою новенькую квартирку? – она демонстративно сменила тему, чётко давая понять, что откровенничать не намерена.

– Теперь даже не знаю. Хотела в ближайшие выходные, чтобы тебя среди недели не дёргать. Но сегодняшний снегопад спутал планы. Наверно, как распогодится, тогда и займусь переездом.

– Да и чёрт с ним, со снегом. В субботу перевезём твоё барахлишко. Кстати, может на пару переедем к тебе? Тётя Маша натаскала тебя в кулинарии так, что ты можешь смело открывать собственный ресторан, раз уж она отказалась. Вкусно обалдеть, я чуть вилку не проглотила.

– Давай поживём у меня, я только «за».

– Вот если бы отпуск дали, – Маринка мечтательно зажмурилась, – я бы с удовольствием. А то придётся взять не только чемодан с одеждой, но и чемодан косметики и всяких женских штучек.

– Предположим, моих запасов вполне достаточно, чтобы удовлетворить нас обеих. Раз уж мы с тобой вывезли из особняка все мои вещи, – возразила, ибо нечаянно предложенная подругой идея нравилась мне всё больше.

– Вот зря ты от драгоценностей отказалась. Очень зря, Мира. Хотя бы в качестве компенсации могла оставить себе. Да к тому же мало ли что. На тот же чёрный день.

– Ты заставила меня забрать шубу.

– Описать и не жить, подруга! Ты откуда свалилась? Зато ты оставила ему три других, которые он теперь передарит своим любовницам. Не думаешь о себе, могла бы вспомнить обо мне. Я, между прочим, от подарка не отказалась бы.

– Ни за что не поверю, что ты оденешь что-то подаренное Подольским, – засмеялась над театральным сребролюбием Маринки. Она могла дурить кого угодно, но я слишком давно её знала и, как она верно заметила, мы многое пережили вместе. Поэтому обе с лёгкостью читали между строк.

– Вот же гад, я и не подумала. Ты права. Значит следовало их забрать, сложить в чемодан и припрятать в дальний угол, на приданое бы сгодились, – неугомонная Марина никогда не сдавалась и не отступала просто так. Признавать поражение – черта характера, которую она тщательно обходила стороной.

– Их моль съест до того, как они на что-то сгодятся, – я уже открыто хохотала над её безумными идеями, – всё, завязывай. Я, между прочим, получила более чем солидные отступные, на которые даже не рассчитывала, так что мне грех жаловаться.

– Жаловаться на четырёхкомнатную квартиру в центре города с ремонтом и мебелью? Я бы тебя сама прибила, если бы ты начала ныть и стенать.

– Как ты говоришь, что мне там положена? Компенсация за физический и моральный ущерб, кажется.

– Слушай, Подольский – конченный мерзавец. Если бы он вдобавок заразился эпидемическим скупердяйством и додумался деньги зажать, то я даже не знаю кем бы он тогда назывался...

– Пьём чай и ложимся спать, меркантильная моя, – улыбнулась, включая электрический чайник.

– И вовсе не меркантильная. Просто я справедливая, – Маринка не могла не возразить и не вставить последнее слово, отстаивая личную позицию. Но несмотря ни на что, благодаря исключительно её неиссякаемому оптимизму, вере в светлое будущее для нас обеих, её словесным подзатыльникам, которые держали меня в несгибаемом тоне, я храбрилась. Я пыталась жить. Я пыталась научиться думать не о нём.

Переезжали мы с подругой шумно и весело. В многоквартирном доме, где мне предстояло обитать, на лестничной площадке наличествовали две квартиры – одна принадлежала отныне мне, вторая тоже обладала, ясное дело, хозяевами. В какой-то момент, когда возможно мы с Мариной слишком громко смеялись или обсуждали что-то между собой, дверь соседней квартиры отворилась и недовольная женщина возрастной категории сорока пяти-пятидесяти лет решила с нами познакомиться:

– Что за шум? Новые соседки? Чего галдите как оглашенные? Смотрите девочки, у нас дом приличный, люди живут интеллигентные, воспитанные. Все соседи обращаются к друг другу уважительно, по имени отчеству. Мы каждого знаем в лицо и чужаков не терпим. Поэтому предупреждаю заранее, в нашем подъезде мужчин водить возбраняется.

Я успела лишь ошарашенно вылупить глаза на «интеллигентную» дамочку, завуалированно назвавшую нас с подругой...

– Ты тётка совсем берега попутала? – Маринка вперёд меня сообразила кто кого и как назвал. – Ты кого шалавами называешь, а? – подруга распахнула полы чёрного пуховика и упёрла руки в бока, одновременно грозно надвигаясь на побледневшую женщину, поджимавшую и без того тонкие губы. Моя защитница оглядела дамочку сверху вниз, я проделала тоже самое. Тощая словно жердь, и даже пересохшая, питающая нездоровую склонность к диетам, моя теперешняя соседка с салонной укладкой волос и толстым слоем яркого макияжа, которому было не по силам замаскировать самое главное, что в нём нуждалось больше всего – стержневой характер. Дамочка скорее всего не ожидала встретить достойный отпор, особенно учитывая манеру речи, избранную подругой. Маринка же специально злила тётку ещё больше, подражая работницам самой опасной и нелёгкой «профессии», в которой соседка нас неосмотрительно обвинила.

Дамочка постепенно соображала, что сценка развивалась не по запланированному ею пути. Потому как украшавший «тощую жердь» брючный домашний костюм, пошитый из натурального шёлка с вышитыми яркими павлинами, казалось, взбледнул и в одночасье растерял вслед за хозяйкой яркие краски.

– Предупреждаю заранее: за левое обвинение, краля, отвечать придётся по всей строгости. Или ты борзая, пока мужик за спиной? Так мы твоего мужика быстренько в оборот возьмём, ойкнуть не успеет, как стоя на коленях будет вылизывать мне и подружке. – Соседка резко сменила бледность на алые красные пятна, которые не пощадили не только лицо, но и шею, бесцеремонно спускаясь в зону декольте. Маринка же, заметив реакцию, ядовито и надменно рассмеялась: – Я вообще-то говорила о сапогах, но ты явно подумала о чём-то другом. Извини, тётка, но, чтобы сделать то, о чём ты только что подумала, твоему мужику придётся выпрыгнуть из собственной шкуры. Мы с подругой себя не на помойке нашли, чтобы опускаться до всяких. И запомни, если не хочешь проблем, то скройся с глаз и впредь не смей рот разевать,

пока не узнаешь с кем говоришь. Тоже мне нашлась интеллигенция... Хреновина с морковинной ты, а не интеллигенция.

Маринка, подойдя вплотную, угрожающе цыкнула на дамочку, которая несмотря на отповедь стояла с гордо вздёрнутым подбородком и выпрямленной спиной, словно ей в позвоночник вживили идеально прямую палку. Но опасной близости воинственно настроенной подруги дама всё же не выдержала. Ойкнула, отшатнулась, выпучив глаза в испуге, затем схватилась за сердце, что-то пробормотала, скорей всего ругательство, но, как пить дать, исключительно интеллигентное, и скрылась в своей квартире, не забыв напоследок громко хлопнуть дверью.

– Другое дело, – подруга обернулась ко мне с широченной улыбкой, удовольствие сочилось из каждой её поры. Она весело мне подмигнула и похлопала ладонями друг о друга, будто стряхивая налипшую грязь, – мы тоже умеем быть интеллигентными, когда суровые обстоятельства того требуют, но при этом не позволяем опускаться до оскорблений незнакомых людей. Правда же, Мир?

– Конечно. Ты, как всегда, права. Но, Мариш, ты бы полегче как-то. Мне с этими людьми всё-таки соседствовать предстоит.

– Вот именно, Мира. Поэтому нужно сразу расставить всё и всех по своим местам. Ты же видишь, дамочка, не спросив наших имён, предположила худшее и обвинила в nepотребстве. Сразу не поставишь на место, потом она вечно будет о тебя ноги вытирать.

– Согласна, но ты бы слова выбрала попроще, что ли.

– Да куда уж проще! – Маринка громко хохотнула, – Я на самом простом, так сказать, изъяснялась. Тем более она, оскорбляя нас, слова не выбирала.

Я предпочла свернуть странный спор ни о чём и продолжила заносить сумки в квартиру.

– А вообще Подольский молодёц, – как-то совсем неожиданно высказалась Марина, когда мы разбирали чемоданы и сумки в моей новой спальне, оформленной в светлых тонах, в отличии от прежней в особняке. Удобный закуток встроенной гардеробной ниши с лёгкостью должен был вместить все мои вещи, привезённые из бывшего дома. По большому счёту с собой у меня только одежда, да косметика. Больше я ничего не брала: ни подарков, ни тем более драгоценностей и горько оплакиваемых Маринкой шуб. Никакие брильянты и меха не помогут залатать сквозную дыру в душе.

– Странно, раньше ты величала его не иначе как, – демонстративно загибая пальцы, начала перечислять, – козёл, идиот, ублюдок, иногда козлиный ублюдок, чтобы это ни значило, недоносок, мерзавец, урод и тому подобные «лестные» эпитеты. Почему сейчас он резко высился до молодца?

– Мира, а ты квартиру свою хорошенько рассмотрела?

В ответ я лишь вздёрнула брови.

– Не знаю как ты, но я вижу, что выбирал он её исключительно для тебя.

На это возразить, к сожалению, было нечем. Бывший муж, как ни удивительно, оказался не конченным подонком, хотя многие его последние поступки кричали именно о том.

Глава 2

Несколькими днями ранее.

Я поверить не могла в собственную удачу, когда через две недели после моего побега, к подруге неожиданно появился пожилой усато-бородатый представительный мужчина преклонных лет, представившийся Семёном Абрамовичем. Он оказался поверенным моего мужа и привёз с собой бумаги на развод. Честно говоря, молчаливое согласие «Бывшего» по поводу нашего расставания уже виделось мне благословением фортуны. Потому как внутренне я готовилась даже не к сражению, а к кровопролитной битве. Ибо, зная Подольского, сложно было предположить, что он отпустит меня просто так, не потрепав изрядно нервы и не выпив напоследок пару вёдер свежесцеженной тёплой кровушки, в чём изрядно поднаторел за последние месяцы нашего с ним совместного быта.

Когда мне были озвучены отступные в виде недвижимости, я признаться лишилась дара речи. Вот уж не ожидала, что после всех выходов Подольский оформит на моё имя дарственную на шикарную квартиру в центре города. Но когда Семён Абрамович поведал о денежной сумме, переведённой на мой банковский счёт, я не удивилась... я испугалась. Мне до дрожи не хотелось чувствовать себя хоть в чём-то обязанной человеку, который предал всё самое светлое, что искренне дарила ему моя душа. Я отлично понимала, что никто не расстанется с деньгами просто так. И банковский счёт не та вещь, ради которой я могла поступиться собственными принципами, внезапно обрётённой свободой или хотя бы пресловутой гордостью, каковую некоторые люди пафосно хают, а прочие – излишне на неё уповают. Но пожилой мужчина понял меня по-своему:

– Я получил чёткие указания от Георгия Родионовича. В случае если сумма окажется недостаточной, вы просто указываете свою и деньги в течение нескольких дней поступят на ваш банковский счёт.

– Что? Он совсем умом тронулся. Мы же не на базаре в конце концов! – громко возмутилась я, пересекая Маринкину кухню туда и обратно, не забывая нервно заламывать кисти рук.

– Мирослава Андреевна, вы ведь понимаете, что я ничего не решаю. Я просто передаю пожелания Георгия Родионовича. Если вам не подходит квартира или не устраивает денежная сумма, то вы можете позвонить супругу и обговорить с ним любые детали.

– Нет! Никому звонить я не стану.

Я больше никогда не заговорила с человеком, который вволю поиграл моими чувствами, вознёс на самый высокий пьедестал, клялся в верности и пожизненной преданности, а после низверг до роли бесправной секс-рабыни. Я согласна принять квартиру за своё истерзанное сердце, за обманутую веру, за то, что он заставил меня в одиночестве переживать потерю нашего неродившегося ребёнка. Приму, потому что у меня не было жилья, работы, постоянного дохода и неизвестно сколько времени мне понадобится, чтобы обрести под ногами твёрдую материальную почву. В действительности было множество причин согласиться, но при всём при том мне понадобилось достаточно времени, чтобы собраться с духом и поставить личную подпись на бумагах о разводе и договоре дарения.

Сюрреализм: люди влюбляются, женятся, живут рука об руку под одной крышей тысячи дней подряд, смотрят друг другу в глаза сотни тысяч часов, проводят вместе миллионы минут, но достаточно единственного краткого мгновения, одного росчерка пера – семьи больше нет. Минуты-часы-месяцы-годы, подвластные воле двоих, растворяются в пространстве, осыпаясь невидимой пылью, оставляя после себя лишь горькие воспоминания, также лишённые какой-либо долговечности напрочь.

Больше всего меня волновало то обстоятельство могла ли я, имела ли право принимать от Подольского деньги. «Лицемерка. О квартире ты не побеспокоилась, а о деньгах испереживалась», – попрекнула сама себя, но как поступить правильно не понимала.

– Подождёте минутку, я всё-таки позвоню кое-кому? – предупредила Семёна Абрамовича и выскользнула в коридор, чтобы, закрывшись в спальне подруги, набрать её телефонный номер.

– Мариша, вопрос жизни и смерти, выйди пожалуйста куда-нибудь. Мне очень надо, – сходу предупредила, стоило ей ответить на звонок, ведь рабочий день в самом разгаре, и она могла быть занята.

– Секунду... – в трубке сначала раздался стук её каблучков, а после беспокойный голос, – говори, Мирка, что ещёстряслось.

– Гера прислал адвоката с бумагами на развод.

– Ого, шустрый.

– Мне отходит большая квартира и деньги уже переведены на банковский счёт.

– Отличная новость. Не ожидала, но Подольский поступил, как мужик. А в чём проблема?

– Не могу я так, Марин. Квартира ещё куда ни шло. Жить мне всё-таки где-то нужно. Но деньги... Я чувствую себя, словно он от меня откупился, а я продалась.

– Мирка, я тебя расстрою, – она развязно хохотнула, – но это именно так и называется. Ты главное помни, что следует просить больше, всё равно дадут меньше.

– Ма-ри-на, – зашипела яростно, – я вообще не хочу никаких денег. Я жила с ним, потому что любила, а не из-за того, что нуждалась в подачках.

– И что ты получила за свою любовь? – не менее разъярённое в ответ, – певца серенад под окнами? Побои, унижение и хамское отношение – вот и всё, что ты получила. Я уж молчу, что он выбрал весьма удачное время для своих подлых выкрутасов, когда ты была особенно уязвимой после выкидыша. Так что нет, милая. Он обязан откупаться от тебя, и чем щедрее, тем для него же лучше. Твои фотографии с увечьями я до сих пор храню на отдельной флешке. Поэтому можешь смело торговаться, не стесняясь в цифрах.

Что ж позиция Маринки более чем прозрачна. Вести бесперспективный спор по телефону, в исходе которого каждый останется при своём, я не видела смысла. Я отлично понимала подругу, пережившую когда-то гораздо больший ад, чем я недавно, но применить её принципы к себе не могла. К неожиданному решению меня подвёл, как ни странно, Семён Абрамович.

– Я подпишу бумаги о разводе и приму дарственную на квартиру, но с денежной суммой не согласна, – сообщила мужчине своё решение.

– Прекрасно, Мирослава Андреевна. Вот вам ручка. Места, где нужно поставить автограф, помечены карандашом. А насчёт денег, просто напишите на оборотной стороне нужную сумму.

– Вы меня неправильно поняли, Семён Абрамович, мне в принципе не нужны деньги от этого человека. Квартира – единственное, что я согласна принять при разводе.

– Кхе, – он крякнул и в удивлении вздёрнул брови, глаза первоначально сверкнули недоверием, но тут же замерцали хитрыми бликами. Семён Абрамович неспешно откинулся на спинку стула, а после смерил меня совсем другим, более глубоким взглядом.

– Хотите бесплатный совет? – не дождавшись от меня ответа, он продолжил сам, – впрочем я в любом случае озвучу его, милая барышня. Не знаю, что послужило причиной распада вашей семьи, да и не моё это дело. Но вот, что я успел повидать на своём веку, Мирослава Андреевна, так это как люди, связанные кровными узами, готовы друг другу глотки перегрызть зубами ради лишней монетки в свою пользу. Множество примеров мне довелось увидеть собственными глазами. Когда дети после смерти отца оставляют мать без крыши над головой, без стыда и совести выбрасывая бедняжку за порог дома, в котором она прожила вместе с супру-

гом большую часть жизни, всецело посвятив себя семье – мужу и тем самым детям, которые в итоге обрекли страдалицу на нищенскую старость. Или, например, после смерти обоих родителей сыновья вступают в кровопролитную битву ради делёжки наследства. Их не смущает, что они жаждут свести родного брата в могилу вслед за родителями. Или совсем недавно я стал невольным свидетелем отвратительной гадости. Внуки без стыда и совести, не смущаясь присутствующих, делили наследство здравствующих по сей день бабушки и дедушки, пожелавших составить завещание на случай кончины, и выдвигали собственные условия, идя на откровенный шантаж и подлость, лишь бы ухватить кусок пожирнее да выгоднее с их точки зрения. Это безобразно, Мирослава Андреевна. Думаю, про бракоразводные процессы, братья за которые, кстати, не гнушается отец Георгия Родионовича, нет смысла рассказывать. Вы и сами прекрасно понимаете, с чем остаются несчастные бывшие жёны, облапошенные мужья и никому ненужные дети. Вас по счастливой случайности миновала грязная война, после которой, будьте уверены, не остаётся победителей. Воспользуйтесь преподнесённым нечаянным даром, не побрезгуйте. Супруг сам, по доброй воле выделяет вам хорошую сумму отступных, которая вас ни к чему не обязывает.

На последних словах я метнула в него недоверчивый и настороженный взгляд, заметив который он понимающе хмыкнул в бороду.

– Поверьте, знающему своё ремесло старику, Мирослава Андреевна, и квартира, и деньги переходят в вашу собственность без каких-либо оговорок. Георгий Родионович не сможет претендовать на них в будущем, возможностей оспорить дарственную у него также не будет. Вы можете пользоваться имуществом движимым и недвижимым по своему усмотрению. Например, вы продадите квартиру и купите другую, хоть в этом городе, хоть в другом. А деньги возможно пожертвуете на благотворительность или приобретёте золотые слитки – это ваше личное имущество, милая барышня, и только вам решать, как распоряжаться им, – в конце он вдруг проказливо подмигнул и добавил, – тем более оно само плывёт вам в руки, зачем же отказываться. И кстати, чуть не забыл, – он вдруг хлопнул себя ладонью по лбу, – Георгий Родионович выдвинул одно единственное маленькое условие.

Морозные иголки моментально впились мне под кожу. Именно этого я боялась больше всего – условий. Особенно тех, которые сопровождались эпитетом «маленькое». Как правило всё маленькое или же написанное мелким шрифтом влекло за собой совсем не маленькие последствия.

– Подождите пугаться, барышня. Условие номинальное, но тем не менее ваш супруг пожелал стребовать с вас обещание.

Тут мои глаза вовсе полезли на лоб. Что задумал Подольский? А Семён Абрамович намеренно затягивал с объяснением и вдоволь тешил себя моей растерянностью.

– От вас требуется немного, Мирослава Андреевна – оставить при себе фамилию супруга и никогда её не менять.

«Странные шутки, однако».

– Это действительно единственное условие Георгия Родионовича. Он пожелал, чтобы вы дали слово не менять фамилию, полученную в браке с ним. – Видимо мысли отразились на моём лице, либо я произнесла их вслух, если Семён Абрамович повторно озвучил условие Геры, чтобы я не сочла будто мне послышалось.

– А если я в будущем решу выйти замуж повторно, я всё равно должна остаться Подольской? – моё недоумение было настолько сильным, что начало раздражать меня саму. Или же блажь почти бывшего супруга действовала на нервы.

– Это уже будет на вашей совести, Мирослава Андреевна. По крайней мере, когда я задал аналогичный вопрос Георгию Родионовичу, то услышал именно такой ответ. Как я понял, он рассчитывает на вашу порядочность и полученного от вас обещания ему будет вполне достаточно.

– Бред какой-то. Что ему даст то обстоятельство, если я останусь Подольской?

– Не могу знать, барышня. По моему скромному мнению, условие не из ряда оскорбительных или невыполнимых, не так ли?

Я ничего не понимала. Какую цель мог преследовать Гера, требуя с меня оставаться при его фамилии? Но на мой неискушённый взгляд озвученное условие действительно меня ни к чему не обязывало. Держать слово или нет – моё собственное решение в будущем. Я, честно признаться, как-то не задумывалась о смене фамилии на девичью —Каляеву хотя бы потому, что отсутствие собственного жилья, работы и любых вразумительных перспектив ближайшего будущего заботили меня гораздо сильнее. Даже сейчас я больше переживала о том, как найти работу, как вообще влиться в новую для меня жизнь, ведь я даже близко не представляла, что такое жить одной, жить без Него.

Пожилой мужчина меня не торопил. Я периодически всматривалась в его невозмутимое лицо, напряженно выискивая двойное дно в произнесённых им словах, но естественно ничего не находила. Поэтому пометавшись и посомневавшись какое-то время я тем не менее поставила подписи везде, где требовалось, а также официально подтвердила своё согласие не менять фамилию документально. Освободив стол от бумаг и проявив позабытое радушие, я угостила Семёна Абрамовича кофе с бутербродами, мы мило поболтали на отвлечённые темы, а после душевно распрощались с неожиданным визитёром, на поверку оказавшимся весьма приятным собеседником.

Я же с того дня обзавелась статусом разведёнки, но при жилплощади и солидном банковском счёте, а для безработной меня это весомая поддержка на первое время.

– Так что ты решила? – обратилась к подруге, когда, разобрав вещи, мы устроили чаепитие в гостиной комнате с эркером, застеклённым панорамными окнами. Тяжёлые светлые бархатные шторы распахнуты до упора и комнату, внутреннее убранство которой соответствовало всей квартире в кремово-бежевых тонах, заливал солнечный свет.

– Ты про что? – Маринка вздёрнула бровь, отвлекаясь от внутренних дум.

– Переедешь ко мне? Хотя бы на время.

– Не знаю, Мирка. Надо подумать.

– Я смотрю на тебя последние пятнадцать минут, и ты только и делаешь, что думаешь.

Случилось что?

– Нет. Всё нормально. Просто задумалась.

– Последнее время ты частенько задумчивая. У вас с Савелием как?

– Не парься. Ничего не случилось. Тебе надо свои нервы лечить, а не моими думками грузиться.

– Нет у меня никаких нервов, – отвернулась в сторону окна, обиженная на скрытость и неразговорчивость ближайшей подруги.

– Особенно когда ты воешь по ночам в подушку, думая, что я не слышу.

Я незамедлительно полыхнула алым смущением. Мы обе врушки, обе утверждали, что всё хорошо, но внутренности грызла тоска. Мои то причины более чем ясны, но что происходило с Мариной?

– Нечего подслушивать, – буркнула ей недовольно. Кому понравится обнажение тайн во всеуслышание?

– Даже не собиралась, звукоизоляция дерьмовая. Но считаю, что лучше дать тебе время обвыкнуться с новой жизнью, новой квартирой. Иначе ты продолжишь сбегать от реальности и прятаться за кулинарными хлопотами, готовя для меня ужины и наводя порядок. Ни к чему тебе затыкать дыру после бывшего мужа подругой.

– Любимой подругой, – уточнила самое важное и повернулась обратно к ней. Её голубые, широко распахнутые глаза больше не смеялись и не искрили беззаботным весельем.

– Конечно, любимую, – моментально подтвердила она в ответ, – но ты просто заполняешь мной пустоту. Лучше наведи сейчас порядок в собственных мозгах и разберись с чувствами к Подольскому, а дальше видно будет.

Маринкина отповедь безжалостна, но честна и прямолинейна. Как и всегда моя подруга в своих высказываниях не утруждала себя упаковать слова в красивую обёртку для облегчения принятия суровой действительности и её дальнейшей удобоваримости.

Глава 3

Снегопад впервые не радовал. Я откинула голову назад вглядываясь в небо, ловила губами снежинки, когда вышла из бизнес-центра после очередного провального собеседования. Настроение паршивое, унылая погода как раз под стать. Тряхнула головой, разгоняя тоску, и решила прогуляться, засунув озябшие руки в карманы пуховика. Жизнь превратилась в бег по замкнутому кругу. Если раньше я общалась хотя бы с тётей Машей и Мариной, иногда с Подольским, если у того наличествовало благожелательное настроение, то сейчас резко осталась одна. С подругой мы перезванивались ежедневно, за исключением тех вечеров, когда она встречалась с Савелием. Тем не менее одиночество давило хуже бетонной плиты. Я боялась рухнуть в депрессию не столько из-за расставания с Бывшим, сколько из-за дефицита простого человеческого общения. Ветер больно хлестанул по щекам, обжигая кожу противными колючими льдинками. А раздавшийся из кармана телефонный звонок и мой незапланированный разговор, на первый взгляд не суливший ничего особенного, проявил себя с неожиданной стороны и оказался способен перевернуть мою последующую жизнь вверх тормашками...

Следующим днём, невзирая на предыдущую бессонную ночь, я с предвкушением, какое не испытывала даже в период переезда в новую квартиру (который скорее печалил, чем радовал), проверила кухонные запасы и вспомнив нехитрый рецепт овсяного печенья, подсмотренный у Марии Мстиславовны, суежилась на кухне. Чем существенным накормить гостей у меня найдётся, но от десерта к чаю ни одна девушка на моей памяти не отказывалась. За суматохой время пролетело незаметно и звонок домофона, огласившего трелью всю квартиру, взвинтил уровень дофамина в крови.

Сёстры ввалились в коридор, принесли с собой уличную промозглость. После обмена приветствиями я сразу перешла к инструкциям:

– Раздевайтесь, одежду и обувь – в шкаф. – Внесла дополнительной конкретики о местонахождении гардероба для верхней одежды кивком в сторону. – Если нужны тапки, то придётся обойтись без них. Я недавно переехала и не успела обжиться.

Сама тем временем вернулась на кухню и крикнула, не оборачиваясь: – Если ноги замёрзли, то выдам шерстяные носки.

«После жизни в особняке у меня похоже пунтик на тапки и шерстяную одежду», – сыронизировала про себя. Девушки вскоре присоединились ко мне и вертели головами по сторонам, заинтересованно осматриваясь, но скованность и напряжение им скрыть не удалось.

– Проходите, не стесняйтесь. Присаживайтесь за стол, кормить вас буду. Небось голодные, как и все студенты.

– Мира, нам как-то неловко, горячего чая вполне достаточно, – по размеренному голосу и произнесённым словам я сразу догадалась, что говорила Лера. Поэтому не было нужды оборачиваться, чтобы увидеть её длинные рыжие косы.

– Девочки, я не так давно сама была студенткой и уж, поверьте, прекрасно знаю, что чаем ваши растущие организмы не насытятся.

А пока сёстры ели, воспользовавшись прихватками, я вытащила поджарившееся печенье из духовки и оставила остужаться. Сев за стол к девочкам я решила сразу объясниться, не откладывая в долгий ящик. Поскольку всегда старалась строить отношения с людьми базируясь на доверии, но и от себя приходилось требовать не меньше, чтобы не подводить тех, кто на меня рассчитывал.

– Знаю, что до сих пор не сдержала своё обещание, и ваша флешка так и лежит у меня. Но семейные обстоятельства сложились не самым благоприятным образом, поэтому продвигать вашу идею через моего... – недобро хмыкнула и сразу нахмурилась, прогоняя ненавистный образ из головы. Тем не менее разводить мадридские тайны из своего обновлённого семейного

положения я не собиралась. Да, обрести статус разведёнки – не самый редкий штамп в нашей стране, и уж точно не самый приятный, но меня мало интересовало стороннее мнение относительно нюансов моей личной жизни, которая не зря всегда величалась словом «личная», а значит глубоко секретная и тщательно законспирированная. – ... Через моего теперь уже бывшего супруга не получится. За столько месяцев он не проявил интереса к проекту, а значит придётся искать другие варианты.

Заметив округлившиеся глаза моих гостей, поспешила с новым обещанием. «Как бы тебе, Мира, не пришлось позже краснеть, за несбывшиеся надежды девочек. Слишком легко ты разбрасываешься обещаниями, исполнение которых зависит совсем не от тебя».

– Предупреждаю сразу, пока точно не представляю через кого и как предстоит действовать. Однако так уж сложилось, что теперь у меня вагон свободного времени, которое я с удовольствием посвящу проекту. И сразу вас немного пожурю, только без обид, но та информация, которая собрана, обработана и записана на флешку никуда не годится. Вчера, после звонка от вас я остаток дня и всю ночь напролёт изучала предложение. Прошерстила его вдоль и поперёк. И могу заметить, что на мой совсем непрофессиональный взгляд – проект откровенно сырой. А я не собираюсь краснеть перед занятыми уважаемыми людьми за собственные недоработки. Поэтому предлагаю всем нам хорошенько потрудиться, чтобы существенно повысить шансы на выживаемость вашего замысла. Кстати, у меня куча идей, планов и вообще всего, а также накопилась уйма избыточной энергии, которую просто необходимо слить во что-то стоящее. Как вам такое начало?

Девушки испуганно притихли, обдумывая мои слова. Я сверлила их по очереди пытливым взглядом, но отступать не собиралась. Я была готова даже к тому, чтобы выкупить у них идею, если вдруг напоролась на отказ. Всю прошлую ночь я не сомкнула глаз, гоня туда-сюда разбушевавшиеся после долгого застоя мысли, искала доступную информацию в интернете, а после изливала фантазию на бумагу, чтобы уже утром упорядочить и систематизировать или хотя бы прочесть сделанные ночью записи. Поэтому сегодня я «слегка» на взводе от принятой за последние 24 часа дозы кофеина, рассчитанной на вес бегемота, но в большей степени из-за решения, которое приняла бессонной ночью относительно того, чем хотела бы заниматься по-настоящему, вкладывая душу и все имеющиеся нерастраченные силы.

Кто бы меня спросил: «куда ты лезешь, глупая наивная дурёха?» Мне повезло, что теперь я жила одна и отчитываться о собственной безрассудной дерзкой бравате, смахивающей на сумасшествие в стадии «зимнего обострения» ни перед кем не обязана.

Варя с Лерой переглянулись, без слов передавая друг другу посыл. Становясь невольным свидетелем похожих душевных моментов, я всегда искренне жалела, что у меня не было сестры. Я бы тоже хотела такого общения между близкими, когда слова не нужны, а достаточно лишь взгляда и выражения лица, чтобы понять мысли собеседника. «Зачем тебе для этого сестра? С Герой иной раз вы общались именно так». Жаль, что невозможно придушить собственную память.

– По-моему, всё отлично, Мира. Мы не представляем, что делали без тебя. Ты обладаешь хоть какими-то возможностями, знаешь к кому можно обратиться. А у нас кроме сырой идеи больше ничего нет. А на одном желании далеко не уедешь, – Лера высказалась за обеих. Но мне нужно больше.

– Варя, ты тоже согласна? Я не настаиваю, но лучше сразу обсудить все нюансы и тонкости, чтобы после не вскрылись обиды и недопонимания.

– Конечно, согласна. Будто у нас выбор есть, – в отличие от сестры, вторая рыжая девушка не умела обходиться без сарказма.

– Раз вы не против, то первое и самое основное нововведение – наш будущий центр детских внеобразовательных курсов я планирую ориентировать в первую очередь на нужды обездоленных детей, особенно тех, кто помимо этого испытывает различные физические и

не только недуги. Сами понимаете, что государство оплачивать досуг ребят из детских домов свыше того, что они уже получают в своих учреждениях, не будет. Поэтому самая первоочередная задача после того, как мы упорядочим и структурируем наш будущий детский центр – это поиск нежадных и добрых благотворителей, за чей счёт я планирую разнообразить жизнь тем ребяташкам, кто не по своей воле попал в трудную ситуацию.

– О-о, отличная идея, мы как-то упустили детей с инвалидностью из виду, – моментально подхватила Лера.

– Я намереваюсь, исходя именно из их нужд и потребностей развивать наши будущие кружки. Что ж давайте пройдемся по основным пунктам. Я кратко набросала то, что хотела бы видеть в нём сама, – передала девочкам кипу исписанных ночью листов. – — С творческими кружками вроде рисования, лепки, возможно, танцев всё понятно. Для старших по возрасту ребят следует поискать специалистов ведущих научные кружки, обязательно шахматы, конструирование и моделирование, робототехника, думаю мальчишки такими вещами заинтересуются в первую очередь. Помимо узконаправленных медицинских кабинетов вроде логопеда и психолога, нужен обязательно бассейн, чтобы заниматься акватерапией особенно для детей с ограниченными возможностями по здоровью, если, конечно, удастся отыскать свободного и согласного специалиста. Нам придётся определить какие виды спорта с уже отработанными схемами мы сможем включить. Ещё я намереваюсь поднять статистику по городу и области о процентном соотношении нарушений функций организма среди несовершеннолетних в разрезе детских домов. Всё же моя главная цель – это обхватить как можно больше тех, кто так или иначе остался сиротой...

– А где нам взять статистику, это вообще открытая информация?

Варя задала дельный вопрос, в то время как я умудрилась погрузиться в собственные тягомотные размышления, посещающие меня с некоторых пор слишком часто. К сожалению или к счастью – даже не знала, что это теперь для меня, может стать и вовсе наказанием:

– Я знаю человека, обладающего нужными сведениями. Беру этот пункт на себя, – начала выписывать личные задачи на отдельный лист бумаги, чтобы не забыть.

Девчонки одновременно потянулись за печеньем и также одновременно захрустели, тем самым вызвав у меня улыбку.

– За вами интересно наблюдать, – высказала своё мнение и встала, чтобы включить электрический чайник, дабы они не давились сухомыткой.

– Ты не общалась раньше с близнецами?

– Ни разу, не везло как-то.

– С нами насмотришься, – Варя подхватила эстафету откровений, – многие, наоборот, говорят, что мы их пугаем. – На мой молчаливый, но ярко выраженный удивлённый взгляд она пустилась в объяснения: – Например, Лера начинает предложение, а я заканчиваю. Или я заранее знаю, что сестра следующей зайдёт в аудиторию. Сокурсники сначала смеются, потом пугаются. – Они вместе заразительно расхохотались.

– Мне не страшно, но жутко любопытно, – уточнила своё отношение к близнецам.

– А на первых курсах мы вообще меняли друг друга на экзаменах и поэтому у нас обеих были отличные оценки.

– Сейчас ваш фокус не пройдёт, – намекнула на их разные причёски.

– Я сразу предупредила Варьку, чтобы она не стригла волосы до окончания универа, но та упёрлась бараном. Теперь приходится сдавать все предметы как положено.

– А вообще, мы с сестрой всё делаем одинаково, иногда мне кажется, что мы даже думаем одинаково, – Варя разошлась, видимо наконец-то смогла раскрепостить себя рядом со мной, – и болею тоже одновременно.

– Это как? Не совсем понимаю, что ты имеешь в виду.

– Например, когда Лерка простужалась, то у меня тоже поднималась температура, хотя я точно знала, что заразиться от неё не могла.

– Не совсем верно, – я моментально встряла с возражением, – вы регулярно и тесно взаимодействуете, а она могла заболеть неделей раньше. Плюс у неё свои симптомы, у тебя свои. Одну и ту же болезнь одна из вас перенесла легче, другая тяжелее. На самом деле вариантов великое множество, – разлив чай по кружкам, я вернулась к столу.

– Мы тоже так думали по началу, – Лера подула на исходящую паром кружку, через секунду Варя зеркально отразила её движение. Наблюдая за ними, я убеждалась в том, что они копируют движения друг друга совершенно неосознанно, ни мгновения не задумываясь над тем, что планировали сделать. – Только однажды летом одна из нас оставалась в городе, а другая уезжала в деревню к бабушке и заболела, искупавшись в холодной речке.

– А я в это же время находилась в городе и ни с того ни с сего слегла из-за плохого самочувствия, которое выразилось только в общей слабости, никаких других симптомов не было. Я не объедалась мороженым, не общалась с больными и не купалась в ледяной воде, – Варя пихнула в бок сестру и грозно сдвинула брови к переносице, выражая недовольство.

– Я вам верю, девочки, можете не убеждать меня. Про феномен близнецов написано бесчётное количество литературы и снято множество фильмов, что мне кажется любой человек понимает – связь между вами уникальна. Хотя подозреваю, вам она приносит не только радости, но и хлопот доставляет предостаточно.

– Это точно, – подтвердила Лера. Девушки повесили носы, загрустили и я моментально пожалела о неосторожных словах.

– Так, унывать нам некогда, коллеги, продолжим обсуждение, – две пары ореховых глаз тут же вперились в меня, сверкнув предвкушением, – значит мы исходим из того, что Центр в первую очередь будет нацелен на детские приюты и их потребности. Во вторую очередь – ориентируемся на малоимущие, проблемные семьи. По этому вопросу мне предстоит пообщаться с органами опеки, но надеюсь всё пройдёт без особых сложностей, – я не забывала вести личный список дел, пополняя его новыми задачами. – По крайней мере информацию по городу мы с вами получим. А для семей с нормальным достатком услуги будем оказывать по преискуранту, хоть какой-то заработок, но нам позарез необходим. На голой благотворительности долго мы не просуществоваем, – когда слова иссякли я смотрела поочерёдно на каждую, ожидая одобрения. Иной раз мне казалось, что я нагло вклинилась туда, где меня не особо ждали, и взялась устанавливать собственные правила.

– Мы указывали доход в презентации, – согласилась одна из них.

– Скорей всего он будет единственным. Я пока других возможностей не вижу. Ладно с этим разобрались. Меня также волнует вопрос, что делать с помещением? У вас есть какие-нибудь здания на примете?

Сёстры переглянулись, даже не пытаясь скрыть удивление на лицах.

– Вы так далеко не заглядывали, верно?

Слаженное мотание рыжими головами послужило ответом. Я зажмурилась и потёрла лоб. О скольких же вещах предстоит озаботиться и не забыть. Всё предусмотреть нереально, но самые важные вопросы, которые посыплются от потенциальных благотворителей должны быть проработаны с особой тщательностью.

– Я по образованию экономист, но, честно говоря, сама в некотором замешательстве, – откровенно призналась, как есть, – кто нам может помочь в поиске здания, сориентировать по ценам? Нужно ведь предусмотреть как аренду помещения, так и его выкуп. Возможно, с рассрочкой.

– Может позвонить в риэлтерское агентство? Пусть предложат несколько вариантов..., – робко протянула Варя.

А я, едва приподняв один уголок губ, подумала беззлобно, но с насмешкой: «Да девочка, сложная работа и связанные с ней хлопоты способны в один миг приструнить гонор и апломб, не так ли?» Вслух же сказала совсем другое:

– Отличная идея, между прочим. Молодец, Варя. Это поручаю вам. Думаю, что ничего сложного не предвидится, кроме муторного обзвона. Если надо проехать по адресам, скинете мне координаты помещений и телефон риелтора. Финансовую сторону вопроса я возьму на себя.

– Мира, а вы... – Лера запнулась от волнения вновь перейдя на «вы», но быстро исправилась, – ты ведь не обязана.

– Не обязана. Но я хочу. К тому же могу. Тем более у меня возможностей действительно побольше ваших. Проработку финансовой части нашего безумного проекта я тоже беру на себя, моя подруга с бухгалтерской специальностью поможет, по крайней мере надеюсь на это.

– Звучит здорово. Но может мы ещё можем чем-то помочь? Ты не думай, что мы такие уж беспомощные.

– Лера, ты, кажется, на детского психолога учишься?

– Да, а Варька логопед.

– Я надеюсь после окончания института вы планируете работать в будущем Центре?

– Конечно! – два звонких голоса слились в один.

– Тогда параллельно начинайте подыскивать нужных нам специалистов. Я, например, даже не представляю кто согласится за весьма умеренную плату оказывать услуги подопечным детских домов. За звонкие монеты от самодостаточных семей, само собой, желающие найдутся легко. А вот как будут обстоять дела с теми часами, которые оплачивать предстоит непосредственно Центру из пожертвованных добрыми дядями и тётями капиталов, я не берусь предположить.

– Мы можем пообщаться с недавними выпускниками нашего института, возможно кто-то из них согласится. Да и просто обзвонить тех, кто заинтересован в поиске работы, и обсудить наше предложение. За спрос ведь денег не берут.

– Дельная инициатива, – снова похвалила Варю, всюю фонтанирующую идеями.

– От нас что-то ещё нужно?

– Не знаю пока, Лера. Давайте решать вопросы по мере поступления. Всё равно за один вечер мы не можем вывернуть мозги наизнанку и предусмотреть все нюансы. Тем более ни одна из нас никогда не участвовала в подобных авантюрах.

– Тогда мы пойдём? – раздавшийся робкий голосок вызвал у меня непроизвольную улыбку, – а по мере результатов созвонимся.

– Если вдруг возникнут идеи, не забывайте делиться или записывайте, чтобы не забыть, – наградила девочек напоследок занудным наставлением. «Входишь в роль, Мира».

На выходных Маринка, сидя у меня в гостях, слушала в моём пересказе последние новости, тарасила в неверии свои, итак, круглые от природы глазищи, а после крутила пальцем у виска.

– Ну ты, мать, даёшь... Совсем сбрендил на почве развода... – помимо осуждающего выражения лица, она неодобрительно качала головой. И я, упреждая готовый вырваться из её раскрытого рта поток осуждений, зачастила оправдаться:

– Подожди списывать нас со счетов. Конечно, проект сырой. Но мы никуда не торопимся. Мне всё равно в отсутствии работы заняться нечем, вот как раз попробую вникнуть и разобраться.

– Вот же дурища! – Порицания от неё избежать не удалось, но я не особо надеялась. – Куда ты лезешь? Ты хотя бы отдаёшь себе отчёт, что твоя затея не просто «вникнуть и разобраться»? Ты жизнь положишь, но и того не хватит!

– Всё я прекрасно понимаю, – отмахнулась раздражённо, – мне не двадцать лет. И даже тогда я понимала бы, что в одиночку надорвусь не приблизившись ни на шаг. Но и ничего не делать не могу. Идея хорошая и главное нужная. В нашем городе таких центров нет и сейчас, разрабатывая проект, я даже удивляюсь почему. Коммерческих, между прочим, навалом, а благотворительного – ни одного.

– Может потому, что люди поумней тебя заранее понимали всю бесполезность. Была бы ты владельцем корпорации с миллиардным оборотом в иностранной валюте, я бы слова поперёк не сказала, а напротив поддержала чем могла. Но кто ты, Мира? Думаешь говнюк-Подольский встретит тебя с распростёртыми объятиями после развода, заявись ты к нему с подобной идеей благотворительности? Да ему всю жизнь придётся горбатиться на твой Центр, не получая зарплаты. Какой идиот вообще согласится повесить ярмо себе на шею?

– Мариш, давай ты не будешь читать нотации, а лучше поможешь мне с расчётами. Твоя бухгалтерская специализация небось покрылась плесенью на секретарской должности.

– А вот оскорблять не нужно. Ничего не заплесневела. Давай сюда свои бумаги, – буркнула Маринка обиженно, но до вечера просидела за работой, не разгибая спины.

Трель домофона разнеслась по квартире, а через несколько минут шумные сёстры заполнили пространство кухни. После знакомства и взаимного представления, Марина глядела на них с серьёзной задумчивостью, а я выдохнула облегчённо, когда поняла, что колких реплик от неё не последует. Как никак девушки не вышли из того нежного возраста, когда любые критически окрашенные слова от старших воспринимались болезненно и в штыки.

– Так, распрекрасные красавицы, думаю нам лучше переместиться в гостиную. Иначе кухня не выдержит наплыва красоты, – распорядилась на правах хозяйки. Кухонный стол и правда маловат для наших посиделок с бумажным ворохом.

Молодёжь собрала многочисленные исписанные листы, избавляя Марину от суеты. Подруга на это лишь снисходительно кивнула, но я заметила, что предупредительное внимание ей польстило.

– А кто у вас будет заниматься презентацией? – задалась правильным вопросом Марина, когда мы всей компанией разместились, разложив в длину круглый стол. – Сейчас бумаги никому не нужны. Люди хотят видеть понятные диаграммы и графики, картинки предполагаемого светлого будущего. А вы к тому же должны преподнести всё так, чтобы толстосумы были готовы заплатить, при этом чётко понимая, что больше никогда не увидят своих денег.

– Так наши парни, Сашка с Серёжей, будущие компьютерные гении. Главное обеспечить их необходимой информацией и чётко объяснить: что, куда и зачем. Они любые графики составят и нарисуют. А красивые картинки можно с интернета скачать.

– Видишь, Марина Сановна, – обратилась к подруге с ехидной ухмылкой, – скоро молодёжь нас с тобой обскачет, оглянуться не успеет.

– Ты давай-то, Мира Андреевна, – она подхватила мою манеру обращения, – меня в старушки не записывай раньше времени. Я слишком молода, чтобы ко мне обращались по имени и отчеству. У нас разница то от силы лет шесть, семь максимум.

Её перебила одна из сестёр: – Нам по 22, так что вы с Мирой на пять лет всего лишь старше.

– Вот видишь, Мирка, каких-то пять лет. Фигня. Мы с тобой сейчас самый сок. Поэтому надо ловить момент и жить на полную катушку. А ты сидишь в четырёх стенах после развода, как сыч. Подумаешь, Бывший – козёл, жизнь на этом не останавливается, с любой может случиться. Зато хоть поживёшь, как человек, безо всяких дебильных указаний: «здесь не ходи, с этими не общайся, туда вообще не смотри. А лучше сиди безвылазно дома и вари мне каждый день борщи с котлетами».

– Марин, – приструнила разбушевавшуюся невовремя подругу посуровевшим голосом, – давай не сейчас.

Девочки тихонько хихикали между собой, не встречая, но хитро поглядывая на нас. А я, всматриваясь в них беззаботных и юных, вспоминала нас с Маринкой, когда мы точно также с оптимизмом смотрели в будущее. Казалось бы, что такое пять прошедших лет? Но они отразились и на мне, и на ней. Мы обе уже не смотрим на жизнь с тем азартом, каковой сейчас демонстрировали близняшки.

– А ты замужем, Марина? – Варя не сдержала любопытства.

– Что?! Я похожа на сумасшедшую? – громкость голоса подруги резко возросла, но тут же взяв себя в руки она ответила гораздо спокойнее и вместе с тем твёрже, – нет. И не собираюсь.

– Даже за Савелия? – я тоже не удержалась от шпильки.

– А он не предлагал, чтобы думать о подобном. А до той поры даже за него. Я слишком ценю свою свободу и независимость, чтобы бежать, как Мира в своё время, под венец. Это ж надо восемь лет супружества, и всё зря... – подруга меня забавляла своим претенциозным сокрушением. По идее это мне полагалось убиваться горем, стенать, заламывать руки, но мне странным образом становилось весело, когда я любовалась её театральщиной.

– Семь, – с моей стороны прозвучало юридическое уточнение возраста почившего брака.

– А как же тот год, который вы встречались до свадьбы? Поэтому все восемь наберутся, не спорь. И что в итоге? Развод и нервотрёпка. Для чего всё это? Не понимаю.

– Когда захочется детей и домашнего уюта, поймёшь.

– А я детей с уютом и без мужа запросто организую. Ты, кстати, тоже. Вот, – она показательно обвела помещение рукой, – уютом уже обзавелась. А чтобы детей настругать много ума не надо. Или вон, как европейцы, можно в банк донорской спермы обратиться.

Близняшки на последнюю реплику покатались громким хохотом, я тоже рассмеялась, заражаясь весельем. А уж разыгравшуюся в воображении сценку хотелось навсегда вычеркнуть из памяти. Когда между моих разведённых ног вместо любимого мужчины, я буду иметь счастье наблюдать незнакомого мужика с пробиркой, тот факт, что мужик – доктор, не внушал должного оптимизма. Чтобы затем ежедневно мочиться на тестовые палочки в ожидании двух полосок. А если полоска одна – встречайте хлебом-солью адову гормонотерапию. Нет уж, я предпочитала по старинке, старым дедовским методом, так сказать. Либо и вовсе не заморачиваться. Сейчас в каждом городе столько одиноких детей, что при большом желании занять чашу я бы предпочла не пробирку, а помочь тому, кто действительно нуждался в помощи. И ведь не существовало какой-либо разницы, для меня по крайней мере, текла ли в венах малыша моя кровь или чужая. Быть ребёнком, которому требовалась забота и ласка, из-за разных ДНК он не переставал. Ибо все дети мира плачут на одном языке...

– Марин, – мой смех иссяк сам собой, сменившись тоскливой печалью, такая смена настроения, подстраивавшегося под кружащие в голове мысли, для меня не редкость, – не учи молодёжь глупостям. Они молодые, наивные, пусть остаются подольше такими.

– Вот как раз из-за мнений подобных твоему, впоследствии учащаются случаи суицида. Чем раньше подготовить человека к решению проблем, тем проще он их переживёт в будущем и тем крепче будет им противостоять, не впадая в панику или депрессию.

– Но и лишать их беззаботной юной поры раньше времени не стоит. А вообще хватит спорить. Мы не для того собрались.

– Мы с сестрой нашим парням так и сказали, что пока институт не закончим, замуж не пойдём, – отозвалась Варя, виновато поглядывая на меня.

– Молодцы. Если таково ваше решение, то придерживайтесь его, – поддержала её своим одобрением. От того что наши взгляды на жизнь не сходились, отнюдь не означало, что кто-то прав, а кто-то нет.

У каждого человека свой жизненный путь, и проходить его предстояло в одиночку. Поэтому с одной стороны я капельку завидовала прочной связующей нити между близняшками, но с другой – досадно понимала, что взаимозависимость друг от друга накладывала осо-

бую крепкую печать, разрушить которую под силу только смерти. Но во благо ли глубокая связь между двумя людьми? Мы с Герой с задачей не справились...

– Мира, а ты когда выходила замуж, то любила?

Что-то наши посиделки приобрели совсем иной характер, нежели подразумевался изначально. Я не против, однако откровенничать не привыкла, и как со стороны услышала собственный голос:

– Любила, Лера. Очень любила.

– А сейчас выходит разлюбила?

Вопрос, на который у меня не было ответа. Неправда. Ещё как был: не разлюбила и не уверена, что когда-нибудь смогу. Но кому какое дело до моей любви, если даже мне самой она больше не нужна.

На доске объявлений замигала лампочка нового входящего объявления: «Продаётся любовь. Отдам безвозмездно в отважные, смелые руки, но предупреждаю заранее – любовь битая. От пролитой сердцем крови отмою, засияет как новенькая, но вот сколы уже не собрать воедино, как и сетку трещин заретушировать не удастся. Придётся пользоваться как есть, б/у[1], с обугленными, местами обгоревшими краями».

– И сейчас люблю, – поразмыслив недолго, ответила всё же правду. Маринка напряглась, подаваясь вперёд, но я сделала вид, что не заметила, – тем не менее иногда требуется вспомнить и, если нужно, отстоять свои личные моральные принципы, пока окончательно не успела их растерять. У нас, как у множества пар, случилась коллизия мировоззрений, которую мы не смогли преодолеть без развода.

«Хм, умеешь ты принарядить слова, Мира. Лишь бы не заиграться с самой собой».

– Ты жалеешь? – Варя вслед за сестрой тоже проявила неподдельный интерес.

– Смотри о чём... Мне особо не чем хвалиться, но и жалеть не в моих принципах.

Проходить через расставание с любимым всегда тяжело даже без сопутствующего развода, но жалеть..., – задумалась, погружаясь внутрь себя, чтобы через некоторое время уверенно, и надеюсь честно ответить, – нет, не жалею. Но вот смириться пока не получается.

[1]Б/у – что-либо бывшее в употреблении.

Глава 4

Почти месяц мы с сёстрами корпели над доведением до ума и шлифовки презентации «Солнечного лучика», как мы условно именовали будущий Центр детского развития. Лера с Варей даже вспомнили старый пионерский девиз советского прошлого нашей родины, о котором я забыла давным-давно: «Из искры возгорится пламя». Мне их предложение понравилось, но пришлось остудить юношеский запал текущими реалиями:

– Последнее слово о названии, девизах и прочем в любом случае останется за спонсорами. – «Если таковые найдутся», – себя в мыслях тоже осадила, но девочек поберегла, не стала расстраивать их лишний раз. – Не забывайте об этом, чтобы впоследствии не расстраиваться из-за несбывшихся надежд. Заодно почаще напоминайте сами себе, что мы с вами люди подневольные, вроде наёмных рабочих. А спонсоры – наши директора, как скажут, так и будет.

– Тогда мы подберём несколько вариантов, чтобы они остановились на наших предложениях, а не толкали свои.

– Дельная мысль, Варя.

Поначалу ершистая и недоверчивая по отношению ко мне девушка оттаяла и, перестав осторожничать, раскрывшись, я увидела, насколько сёстры могли быть одновременно похожими друг на друга и вместе с тем кардинально отличаться. Варя безусловно гораздо вспыльчивее, неуступчивей и даже строптивей Леры. Но стоило ей почувствовать, что им с сестрой ничего не угрожало извне, как расслабившись она превращалась в тот же, что и Лера, наивный, чистый цветочек, который хвала судьбе не сталкивался с грязью, несправедливостью и гнилой внутренней сутью слишком большого количества людей, бездумно поклоняющихся жестокости и бессердечию. Тем самым намеренно погружая себя и всех, вольно или невольно соприкоснувшихся с ними, в мир исключительного зла. До комка в горле и кипучих слёз в глазах одновременно с умильной нежностью, перехватывающей дыхание, и вместе с тем горькой жизненной обречённостью я смотрела на двух пока ангелочков. Как знать, будет ли милостива к ним судьба, и по какой дороге каждая из них продолжит свой путь. Но я очень сильно надеялась и уповала, что знаменитая интуиция близнецов поможет им противостоять жизненным невзгодам, защищая и поддерживая друг друга во что бы то ни стало.

– Мира! – Лера тронула меня за плечо, вырывая из топкой трясины, – последнее время ты часто уходишь в себя.

– Извини, весна на подходе, должно быть, как все нестабильные, я тоже реагирую на смену времён года, – по-чёрному сыронизировала над собой перед будущим психологом. Тьфу-тьфу, лишь бы не случилось так, что в каждой шутке на самом деле только капля шутки.

– Завтра Сашка передаст флешку с презентацией.

– Хорошая новость, Лер.

– Дальше мы надеемся на тебя. Следующий и самый главный шаг за тобой, – две пары глаз смотрели на меня одинаково сосредоточенно и тревожно. В ответ я театрально замахала на них руками:

– Не трусьте, прорвёмся. Пойдёмте лучше пить чай. Я заглядывала в кулинарию и купила наисвежайший ароматный яблочный штрудель.

– Из-за твоих угощений мы прибавили по два килограмма каждая, – возмутилась Варя.

– Молодая, растрясёшь. На что тебе кавалер?

А на следующий день, мне предстоял важный разговор, ради которого пришлось подключить Маринку, написавшей мне контакты Савелия, а тот в свою очередь выслал номер телефона своего брата Петра. Да уж, после развода с Подольским, мои знакомства в верхушке нашего города ограничивались исключительно Загородневым-старшим. И то, что раньше я свою скрытность и неготовность общаться, на мой взгляд, с недалёкими или нежелательными

для меня людьми, считала достоинством и тем качеством, которое безусловно характеризовало меня с положительной стороны. То сейчас, за постыдно короткое время я кардинально пересмотрела собственную точку зрения. Или сама жизнь тыкнула меня носом в гипертрофированное и ничем необоснованное чувство внутреннего обманчивого превосходства над другими людьми.

Выходило так, что я ничем не отличалась от тех, кого сама же критиковала и с кем брезговала общаться не так давно. Безусловно, люди, вращающиеся в особых кругах, представляющие, так называемый, высший класс – снобы. Бесспорно, половина из них, сколотила капиталы нечестным путём. В то время как я гордилась тем, что Гера не замешан в тёмных делишках и предпочитал работать на совесть. Здания, построенные его компанией, никогда не рушились, не требовали капитального ремонта через год после ввода в эксплуатацию, но и цены за свои строительные услуги он не спускал, не считая государственных заказов. Хватаясь за которые, он порой оставался без прибыли и случалось уходил в минус, но старался несмотря ни на что не экономить на качестве строительных материалов и выплачивал зарплату наёмным рабочим вовремя. Всякое случалось, конечно, не без осечек и накладок. Но его жизненные устои всегда отличались принципиальной и непоколебимой честностью. Однако после краха нашей семьи могла ли я с уверенностью утверждать, что, обманывая и скрывая свою чёрную душу от меня, его жены, не утаивал ли он что-то тёмное и в своём бизнесе?

В общем со всей отчётливостью и досадой на саму себя, я вдруг уразумела, что очутилась у разбитого корыта, не обзаведясь, когда представлялась отличная возможность, знакомствами с жёнами бизнесменов и политиков. Именно в таких связях я нуждалась сейчас больше всего, но рассчитывать на помощь, к своему собственному стыду и прискорбию, могла лишь... на Петра Загороднева. Даже звучит странно... Но к бывшему мужу меня теперь и пушками не загнать. Поскольку я ни в коем разе не могла поручиться, что за свою помощь тот не выставит неподъёмный для меня счёт, который я ни физически, ни морально оплатить не смогу.

Выдохнув, как перед прыжком в ледяную прорубь на крещенские морозы, я набрала заветный телефонный номер и, с замершим сердцем и вспотевшими ладонями, отсчитывала длинные гудки.

– Слушаю, Загороднев, – резкий, отрывистый голос, несмотря на мою готовность, раздался всё равно внезапно и заставил меня онеметь, на ровном месте теряя привычную уверенность. Мужской тембр по телефону сейчас сильно контрастировал с тем, который я привыкла слушать вживую. И поэтому даже не задумываясь, я перешла на формальное обращение:

– Пётр Аркадьевич, добрый день. Это Мира Подольская, – замерла в ожидании ответа, страшась услышать нечто похожее на: «Мне некогда, Мира. Как ты вообще посмела трезвонить, отвлекая меня от важных дел» или, что ещё хуже: «Не знаю такую, где вы раздобыли мой номер, девушка? Не звоните сюда больше, если не хотите проблем».

– Хм, не ожидал... Здравствуй, Мира. Чем могу быть полезен?

Выбранный Загородневым вариант, несомненно, лучше всех тех, что рисовало моё перепуганное воображение.

– Мне бы встретиться с вами, Пётр Аркадьевич, разумеется, когда вам будет удобно. У меня есть к вам разговор, – пришлось закусить свободный кулак зубами, адреналин скакал в крови, пытаясь найти несуществующий выход.

– Мира, напомни, пожалуйста, когда мы успели перейти на «вы»?

Я отчаянно смутилась, но терпела. Ради себя, ради близняшек и всего проекта в целом, и особенно ради тех детей, которые никогда не придут в несуществующий Центр. Тахикардия в груди терпеть не собиралась, но у неё не было выбора. Впрочем, как и у меня.

– Извини, я не отвлекаю тебя? – исправилась моментально, после первого же замечания.

– Переживут. Где и когда мы встречаемся?

– На твоё усмотрение. Я свободна во времени, а ты занят важными делами. Поэтому мне не сложно подстроиться под твоё расписание.

Раздавшийся раскатистый смех удивил. От нетерпения я оказывается начала грызть ноготь большого пальца на левой руке, но заметила только сейчас. Хотя избавилась от дурной привычки ещё в школе, в классе третьем наверно. Мамины шлепки по рукам сделали своё дело.

– Всегда считал Подольского идиотом, – тихо пробормотал Пётр, но я расслышала каждое слово, правда совсем не поняла, что они означали. Вернее, к чему относились. Потому как смысл был самым что ни на есть прозрачным, – Мира, как насчёт позднего ужина? Скажем, часов в восемь вечера, не слишком поздно для тебя?

Поздно? Да я не рассчитывала даже, что он согласится так легко!

– Без проблем, пусть будет в восемь.

– Тогда напиши мне в сообщении свой домашний адрес, я подъеду, чтобы забрать тебя.

К вечеру я готовилась очень тщательно, хотелось произвести впечатление серьёзной женщины, а не просто приписка к бывшему мужу, которым Пётр наверняка меня считал. Но и синим чулком выглядеть не планировала. Имея после жизни с Подольским, некоторое представление о мужчинах, я полагала, что они предпочитали смотреть на приятную глазу картинку, а не лицезреть замученную, неухоженную тётю, которой даже волосы лень помыть и уложить в элементарную причёску. Выбор остановила на тёмно-зелёном платье без декольте и с длинным рукавом, длиной до середины голени, но свободно струящимся. Тонкий кожаный ремешок обозначил талию, а юбка расходилась мягкими произвольными складками. Макияжа самый минимум: подчеркнуть тушью ресницы, два мазка по скулам едва заметными румянами, блеск для губ.

Телефон зазвонил ровно в восемь. Кто-то весьма пунктуален. Прихватив клатч с мобильным телефоном и самое главное флешку (Варя занесла сегодня), обула сапоги с высоким голенищем и накинула на плечи шубу. Марина как в воду глядела: удачно, что хотя бы одну из шуб я прихватила с собой, съезжая от Подольского.

По-моему, в своих прежних поступках я слишком сильно увлекалась ложным чувством правильности – новый неожиданный вывод за сегодняшний день.

Нелегко осознавать, что, отстаивая ошибочные принципы, в итоге оказываешься бестолковой дурёхой. Оставалось надеяться, что для меня не слишком поздно...

Загороднев, одетый лишь в классический тёмно-серый костюм, хотя на календаре по-прежнему февраль, стоял возле представительного чёрного седана и стоило мне подойти, услужливо открыл передо мной переднюю дверь.

– Добрый вечер, – первой проявила вежливость.

– Здравствуй, Мира. Садись. – Захлопнув за мной, Пётр обошёл автомобиль кругом и сел на водительское место. Через несколько минут мы ехали по вечернему городу.

– Ты не мёрзнешь без верхней одежды?

– В машине тепло, поэтому пальто временно лежит на заднем сиденье.

– Ясно. Значит ты не снежный человек и водить машину предпочитаешь сам. – Мои первые открытия о малознакомом мужчине, потому как чтобы пересчитать наши с ним встречи, пальцев обеих рук окажется вполне достаточно.

– Да, иногда это успокаивает.

– Но скорей всего не утром в часы пик.

Скромный смешок от него и: – Нет. Но по утрам мне не нужно успокаиваться. Зато пока стою в дорожной пробке, успеваю обдумать расписание дел на грядущий день.

– Тоже, верно.

– Как ты, Мира?

Неожиданный вопрос смутил. Или может тому виной послужили тёплые интонации в голосе, прозвучавшем с искренностью и живым участием. «Ох, Гера, Гера, за что же ты лишил меня простой человеческой чуткости».

– Мм, нормально. – Вторжение в личные границы меня снова напрягало.

– Успела уже прочувствовать всю прелесть холостяцкой жизни? – он широко улыбался и скорей всего меня подначивал. Только откуда Петру было знать о моём официальном разводе, хотя не удивлюсь, если половина города давно в курсе. Подольский таки не последний человек, ко всему красивый, в расцвете лет, успешный... Продолжать описательный ряд опасно в первую очередь для меня самой. Поэтому я улыбнулась в ответ, стараясь выглядеть максимально расслабленно и непринуждённо:

– Не уверена. Кажется, все прелести проходят мимо меня.

– Возможно ты не оставляешь им шанса?

– Наверно так и есть. Как дела у Савелия? – коряво перевела разговор в безопасное для меня русло, ибо странно не то, что флиртовать с человеком мужского пола, даже вести обычную беседу непривычно, не опасаясь при этом нарваться на недовольство бывшего мужа. Да уж, чтобы привыкнуть к новому статусу требовалось время.

– А что с ним будет? Жив-здоров, работает. Он же вроде встречается с твоей подругой?

По всей видимости прозвучал толстый намёк, на то, что моя попытка перевести стрелки провалилась.

– Да, но последнее время нам с Маринкой было не до обсуждения личной жизни друг друга.

– Это касается упомянутого тобой разговора? – А кое-кто помимо пунктуальности ещё и сообразителен. «Мира, ты забыла с кем разговариваешь? Если человеку под силу заработать, сохранить и приумножить свой достаток, то он, как минимум, не глуп». – Но давай пока отложим серьёзные беседы. Хочется поужинать в спокойной обстановке, не возражаешь?

Мы приехали на первый взгляд в обычный ресторан. Мне не доводилось ранее здесь бывать. Обстановка, лишённая пафоса, тем не менее окружала уютом, а приятные ароматы, витавшие вокруг, разбудили желудок, который недовольно заурчал.

– Всё же выкроенное время ужина для тебя слишком позднее. – Пётр прекрасно расслышал голодные возмущения моего живота, а я покраснела. Оставив нашу верхнюю одежду в гардеробе, он уже тянул меня вглубь зала. Выбранный им столик располагался в угловой нише. Посетителей было немного, и большинство предпочли разместиться у окон. Тогда как Пётр, наоборот облюбовал уединённое место.

Сделав заказ, я пила воду, чтобы занять руки, чувство скованной нерешительности не отпускало. Одно дело, когда наши встречи были скорее случайными, чем запланированными, и мы перебрасывались общими фразами, не переходя на личности. А сейчас всё совершенно по-другому. Мне вдруг показалось, что я вела себя как робкая, закомплексованная девица на первом и единственном свидании с парнем. Поэтому в приказном порядке потребовала сама от себя прекратить беспричинную панику.

Пётр тем временем молча и без малейшего стеснения в открытую меня рассматривал. Прошёлся изучающим взглядом по лицу, уделил внимание обрамлявшим его волосам, завитым в крупные локоны, оценил платье и всё, что ниже лица, пока обзор не перегородил стол между нас.

Удивительно, насколько взгляды мужчин и женщин различались. Совершенно случайно я начала постигать тайный смысл того, почему женщины любых возрастов и во все времена так легко покупались на слащавых альфонсов и продолжали это делать с незыблемым постоянством. Когда мы, дамы, первым взглядом оценивали интересующего нас мужчину, то, как правило, смотрели исключительно поверх, не проникая за предложенную обложку, наивно рассчитывая (или скорее переоценивая женское влияние на мужскую половину человечества),

что внешнее будет равно внутреннему. Тогда как любой мужчина здраво понимал, насколько фантик не похож на конфету и с первым же взглядом смотрел изначально внутрь. Он либо останавливался на том уровне, что располагался непосредственно под платьем, тогда оценивал фигуру и сравнивал со своими предпочтениями, чтобы принять решение о дальнейшем раздельном либо совместном, но исключительно единоразовом времяпрепровождении. В случае более глубокого интереса, чем короткая интрижка, он проникал взглядом гораздо глубже, наверно сразу в душу, без особого затруднения считывая мысли, намерения и даже мечты. Не знаю как у них так получалось, может годы практики способствовали феноменальным результатам. Но я не встречала в своей жизни женщин, в том числе общаясь с бизнес-леди, обладавших схожим проницательным взглядом, коим Пётр Загороднев изучал меня.

По моему скромному мнению, он успел оценить все уровни плюс фантик в виде красивого платья. Увиденное ему понравилось, поскольку я заметила, как хищно дёрнулись тонкие ноздри его прямого классического носа и потяжелел взгляд. К случившемуся повороту я вроде готовилась, но получив подтверждение всё равно ступевалась.

– Ты очень красивая женщина, Мира. Особенно когда краснеешь.

– За первое спасибо, по поводу второго – предпочла бы обойтись.

– А мне нравится.

– Рада, что угодила, – неожиданно мой голос даже мне показался неуместно резким и замороженным.

– Не обижайся. Разве мужчинам много надо? Красавица перед глазами, и меня, казалось бы, умудрённого и закалённого жизненным опытом, заматеревшего мужика, ведёт как во время свидания школьных времён.

– Мы можем обсудить что-нибудь другое помимо моей внешности?

– Твой уступчивый характер?

«Этот несносный человек действительно надо мной издевался!»

– Видимо не такой уступчивый. Раз уж я в разводе.

– Сомневаюсь, что причина в тебе. Хоть я считаю твоего мужа кретином, но при этом безмерно рад. Будь ты по-прежнему замужем я не мог и мечтать, чтобы поужинать с тобой тет-а-тет в приятной обстановке, не опасаясь, что из-за угла выскочит Подольский с ружьём наперевес.

– Я думаю, что любой муж не был рад тому обстоятельству, если его жена вознамерилась отужинать с посторонним мужчиной.

Мы говорили о сегодняшнем вечере, но в моей живучей памяти невольно всплывала сцена, когда Гера приревновал меня к Загородневу-младшему. Последствия той ядовитой ревности слишком черны и мрачны, чтобы позволить себе вспоминать. Поэтому я вернула взгляд к серым искристым глазам, которые не переполнялись разъедающей ревностью или болезненной злостью и в них не застывал ненавистный лёд. Зато фирменная хитреца, казавшаяся мне раньше относительно безопасной, приобрела совершенно иной колорит. Официант вернулся с заказом, и я моментально воспользовалась возможностью перевести дух. Откровенный мужской интерес бил по оголённым натянутым нервам. Действуя одновременно опьяняюще будто после выпитого залпом бокала вина и в тоже время перехватывая дыхание, как морозный колкий воздух, которым сложно дышать. Во время ужина, мы говорили мало, оказалось, что Пётр Аркадьевич проголодался не меньше моего. А по завершению трапезы я поспешила перевести беседу в деловое русло, обозначив, собственно, то, зачем я влезла в секретную операцию под кодовым названием «ужин с Загородневым».

– Значит ты решила заняться благотворительностью, – сделал первое умозаключение Пётр вполне серьёзным голосом после моего рассказа о намерении найти спонсоров для будущего Центра. Одно то, что он не кривил лицо во время моего повествования, уже вселяло робкую надежду.

– Не совсем так. Я решила работать, если влиятельные люди нашего города, не чурающиеся заниматься благотворительностью, позволят мне ею воспользоваться.

Пётр вновь рассмеялся, что признаться за время нашего сегодняшнего общения делал уже не раз. Гораздо чаще, нежели Гера когда-то. «Прекрати сравнивать всех мужиков с Подольским».

– Ты хитрая лиса, Мира. Молодец! Я посмотрю вашу идею и с твоего позволения покажу тем, кому доверяю. Пока обойдётся без огласки. – Он бросил пыливый взгляд в мою сторону.

– Конечно, – кивнула в ответ.

– Хочу получить заключение нескольких незаинтересованных лиц. Так сказать, взгляд со стороны, чтобы понять, насколько проект в принципе жизнеспособен.

– Признаться, мне самой интересно узнать мнение специалистов. Потому как я лицо скорее заинтересованное, нежели объективно и трезво мыслящее.

– Почему? Болезненная тема? – хваткий мужик зацепился за мои неосторожные слова.

И волна неприятной липкой паники не заставила себя ждать, за считанные секунды омыв всё тело сверху вниз, оставляя после себя противную дрожь.

– Это важная тема. В том числе и для меня, как женщины и просто как человека неравнодушного, – отвела взгляд в сторону. Но нервное заламывание мною кистей рук не требовало расшифровки. Загороднев – человек догадливый, всё понял и без слов; радовало одно – выводы он оставил при себе.

Отпив из чашки глоток крепкого и чёрного, как ночь, кофе он продолжил:

– Хочу тебя предупредить, чтобы ты не ждала мгновенного результата. Весь бизнес в преддверии сдачи годовой финансовой отчётности, поэтому быстрых ответов не получится.

– А куда торопиться? Возможно, за это время у нас появятся новые идеи, мысли. Так что ничего страшного не вижу.

– А говоришь характер неуступчивый, – он вновь непринуждённо рассмеялся, – верь мне, Мира. Я успел пожить какое-то время на свете и получше вас, молодёжи, разбираюсь в людях.

– Ты опять завуалированно пытаешься пожаловаться на свой «пожилой» возраст?

– Даже и не думал. Напротив, рядом с тобой я чувствую словно сбросил десяток лет.

– Снова комплименты, – теперь и я улыбалась без остановки. Пётр Аркадьевич отлично был знаком с кратчайшими путями, следуя которым, добивался мгновенного расположения собеседника.

– Разве можно женщину оставлять без комплиментов? Такая недалёковидность дорого обходится в дальнейшем. Если ты, к примеру, перестанешь поливать свой комнатный цветок, то он сначала завянет, а вскоре полностью засохнет. Имелись бы у горшка в наличие ноги, то вместе с цветком они бы давно сбежали от беспечной хозяйки в поисках лучшей доли.

Неожиданно мне показалось, что Пётр прямым текстом намекал на мой развод. Я вдруг почувствовала себя тем самым цветком, лишённым полива и который смог не совсем вовремя, но сбежать в поисках нового заботливого хозяина, умеющего грамотно поливать и удобрять женщин. То есть цветы. Я так-то старалась не использовать бранные слова в повседневной речи, но сейчас, вспоминались исключительно они.

– Знаешь, я оставлю твою реплику без комментариев и сделаю вид, что ничего не слышала.

– Мира, мой тебе бесплатный совет – перестань воспринимать всё на свой счёт. Мне доставляет удовольствие видеть, когда в ответ на приятные слова твои щёчки расцветают маками, – невозмутимо и бесстрастно отпарировал Пётр.

– Петя, пожалуйста. Теперь я, кажется, начинаю понимать Савелия, – закрыла лицо ладонью в характерном жесте.

– Понял-понял. Ты не любишь комплименты и любые намёки на развод. Принял к сведению, исправлюсь. – Его широкая улыбка в противовес словам заставляла сомневаться, что

он действительно намерен что-то там исправлять. Складывалось непреходящее ощущение, что ему доставляло особое удовольствие вгонять меня в краску.

– Может поедem домой, если ты допил кофе?

– Коварная женщина. Заболтала меня деловыми речами, и я совсем не успел насладиться нескучной беседой с очаровательной тобой.

– Какие твои годы, – безжалостно отрезала в ответ.

Когда Пётр заглушил двигатель возле подъезда моего дома, я вскинула на него недоумённый взгляд. Хотелось верить, что он не надеялся, будто между нами произойдёт что-либо помимо делового ужина.

– Мира, – он повернулся в мою сторону, строгое чёрное пальто стесняло движения, но Петра это обстоятельство несколько не смущало. Он взял мою кисть в свои руки и поймал мечущийся беспокойством взгляд, – спасибо за чудесный вечер. Можно я попрошу тебя кое о чём?

Мои брови удивлённо поползли вверх, а через мгновение я уже замерла на глубине чёрных зрачков, полностью затопивших радужку.

– Ничего противозаконного. Подари мне, пожалуйста, один поцелуй.

...

Видимо моё шокированное молчание звучало слишком красноречиво.

– Мира, я обещаю, что не попрошу большего. Пока сама не захочешь. – Последняя брошенная им фраза по-мужски самоуверенна, но я не собиралась никого хотеть в ближайшие несколько лет. – А сейчас прошу об одном единственном поцелуе. Не откажи. – Пётр поглаживал мою кисть пальцами, и его кожа на удивление нежная и без грубых мозолей, которые появлялись у Геры по причине частого посещения спортивного зала.

Я, после короткого замешательства, почему-то действуя не обдуманно и взвешенно, а на необъяснимом порыве в ответ на проникновенную просьбу, подалась вперёд, сближаясь и окончательно утопая в пронзительном взгляде. Застыв в нескольких сантиметрах от мужского лица. Давая себе возможность передумать... Пётр же преодолел последнее расстояние сам, накрыв жадными губами мои. Но стоило нам соприкоснуться, как жадность моментально сменилась лаской, а поцелуй вдруг преисполнился изумительной нежности. Его губы изучали меня неспешно, будто успокаивая, только не вспугнуть. Никакой страсти, бури или похоти. Одна нескончаемая трогательная деликатность. Но только до тех пор, пока он не встретил моё сопротивление из выстроенной стены зубов. Мужская настойчивость и нетерпение проявились мгновенно. Прикусив меня за нижнюю губу и воспользовавшись невольно выпущенным мною «ох», он тут же пробрался языком внутрь, следом сглаживая напор и снова погружая меня в волшебную, шелковистую мягкость поцелуя. Когда дыхание сбивалось, а чувствительные губы покалывало, мы ненадолго отстранялись друг от друга. Но через несколько глотков прохладного воздуха Пётр вновь принимал с поцелуем, продолжая то, что казалось не думал заканчивать. Иногда я упиралась кулаками в его плечи, пытаюсь вырваться. Но рука на затылке не позволяла резких движений. Он неторопливо, без суеты и поспешности изучал мой рот, пил дыхание, познавая не только мои губы, но и будто меня саму. Не знаю сколько мы продолжали целоваться, ибо я давно не вырывалась, а млея в крепких руках, дала себе волю наслаждаться нечаянной лаской и нежностью. Так давно не получаемой мной от мужчины.

– Целовать тебя намного лучше, чем я себе представлял. – Мы прижимались лбами и переводили дыхание. – По-моему я со студенческих времён не практиковал подобное.

– Не целовался в машине? – удивилась с улыбкой.

– Отпускаю ту, которую хочу до чёрной пелены перед глазами, но получаю лишь скромный поцелуй в машине.

Я бы ни при каких обстоятельствах не назвала его поцелуи скромными, но ещё больше провоцировать разбуженный мужской темперамент разумно поостереглась.

На следующий день нетерпеливые сёстры атаковали меня сообщениями в общем чате.

Варя: «Как прошло? Привет».

Я: «Привет. Флешку передала. Придётся подождать какое-то время».

Лера: «Привет, Мира. А долго ждать?»

Я: «Скорей всего около месяца. Точнее сказать не могу».

Варя: «Ого, как долгооооо».

Я: «Это ещё быстро. Люди вообще-то все занятые, никто не станет бросать текущие дела, чтобы удовлетворять наши хотелки».

Лера: «Какая разница месяц или год, лишь бы вышел толк».

Глава 5

*Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.
А. Ахматова, 1915 г.*

До определённого момента я даже не догадывалась насколько сильно увлеклась проектом детского развивающего центра и как сильно это занятие поддерживало меня в непростой жизненный период. После того как вся проделанная работа, воплощённая и оформленная в виде красивой презентации, оказалась у Загороднева, я вдруг, пребывая в полнейшей растерянности, поняла, что заняться мне совершенно нечем. После нашего с ним памятного ужина я несколько дней бестолково слонялась по квартире, напоминая самой себе неприкаянное привидение. В пижамном костюме из рубашки и брюк, сверху домашний халат, на ногах шерстяные носки. Волосы всклокочены, расчёску последний раз брала в руки... давно это было. Потому как необходимости наводить красоту больше не было, даже привести себя в более-менее приличный вид тоже оказалось без надобности. Ну, хотя бы душ я принимала ежедневно да регулярно чистила зубы. Поэтому, однажды пройдя мимо зеркала, невольно вздрогнула. Взлохмаченная девица с нечитаемым взглядом потухших глаз походила скорее на городскую сумасшедшую, чем на молодую женщину когда-то вполне приятной наружности. «Хорошо, что меня сейчас никто не видит». Прodefилировав на кухню, провела инвентаризацию содержимого холодильника. В наличии: один голубец, остатки овощного салата, понюхав который скривилась, да заветренный кусок торта. Салат отправился в мусорное ведро.

– М-да, вот и повод выйти из дома нарисовался. Хотя бы голову помоешь, – разговаривала вслух сама с собой.

И между прочим, чтобы вы знали и не смеялись надо мной, покручивая пальцем у виска, подобным грешат если не все, то очень многие, кто жил один. Поэтому расхожее мнение, что большинство одиночек не в ладах с серым веществом, заполняющим черепушку, слегка преувеличено. А может и нет...

В итоге, не придумав ничего лучше, чтобы не маяться бездельем и не сходить с ума от безысходной тоски, особенно по тому, по кому нельзя было этого делать категорически, я вернулась к поискам работы и без особой надежды бегала по собеседованиям. Принуждённо и наигранно радуясь тому факту, что вроде как продолжала жить в социуме. Общалась, узнавала что-то новое. Но самое главное у меня образовалась веская причина выйти из личной берлоги, а значит я приводила себя в порядок ежедневно, не превращаясь постепенно в неряху. Ибо, как повторяла мама когда-то давно: «Не будет красоты без чистоты». Однако с работой мне не везло катастрофически. Я, конечно, могла согласиться на должность секретарши и не выпендриваться. Или устроиться каким-нибудь младшим помощником младшего менеджера по страхованию или кредитованию. Правда суть-то не в названии должности – самый младший из всех возможных; а в том, что это прямо пропорционально сказывалось на зарплате. Но я видимо основательно успела заразиться снобизмом от высшего общества, не так давно откровенно презираемого мной. Потому что безвылазно торчать в офисе пять дней в неделю с утра до самого вечера за гроши – посчитала для себя неприемлемым. Даже с финансовой

точки зрения я больше теряла, чем выигрывала. Тем не менее на собеседования продолжала ходить, не забывая обновлять резюме (ха, мои три строчки без опыта работы). По правде, я сильно удивлялась, что меня вообще приглашали. Странные люди... Зато без особой надежды на нормальную должность я, сидя в приёмной очередного отдела кадров, внимательно вслушивалась и даже принимала участие в разговорах тех, кто ожидал наравне со мной, но при этом мечтая получить заветное назначение. Меня, само собой, мало интересовали те обстоятельства, что чей-то ребёнок срыгнул аккуратно на недавно выглаженную блузку или каблук сломался при выходе из автобуса, одна девушка рассталась с парнем, другая, наоборот, вступила в новые отношения и гадала как долго они протянут. Но зато я чувствовала себя причастной к бурлению городской жизни, а не состарившейся в одночасье никому ненужной одичавшей тёткой. Сука-жизнь здорово посмеялась надо мной. На пороге двадцати восьмилетия я, мечтавшая о крепкой семье и детях, имела в активе развод, выкидыш, разбитое сердце и планировала заменить интернет-сайты и газеты с вакансиями о трудоустройстве чтением объявлений: «отдам котёнка безвозмездно в добрые руки». Почему именно безвозмездно? Наверно потому, что даром отдавали беспородных бродяжек, для которых не оказаться утопленными в унитазе (носит же земля чертей) большая удача, отпрыски «элиты» же в любом случае получают обеспеченных хозяев, а значит и сытую жизнь.

А примерно в конце марта вместе с телефонным звонком я получила неожиданное приглашение.

– Здравствуй, Мира.

– Добрый день, Пётр.

– Совсем забыла меня, не звонишь, даже не поинтересуешься как дела.

– Откуда же мне знать, что ты не занят?

– Вот заодно и выяснила бы. Тем более выходные дни никто не отменял.

Я не знала, когда и в чём умудрилась провиниться, но раздражение в голосе Загороднева мне не понравилось.

– Послушай, Петя, я не понимаю, какие у тебя могут быть претензии ко мне. Ты вроде взрослый человек. Захотел бы – позвонил сам. Если не позвонил – значит не так уж и хотел. Я тебе ничего не обещала, чтобы...

– Извини, – перебивший мою отповедь мужской голос окрасился сожалением, — день сегодня не самый удачный.

– Вот и я о том же. Не хочу становиться крайней незаслуженно.

– Видимо привык, что всегда приходится командовать. Словно люди разучились принимать самостоятельные решения.

– Инициатива наказуема, помнишь?

– Нет, просто зажрались. Зарплату привыкли получать вовремя, премию получают регулярно. Зачем напрягаться, когда, итак, всё дадут? – Загороднев снова рассердился, а я окончательно утратила смысл беседы. Я, конечно, догадалась, что он был зол на своих сотрудников, но никак не могла взять в толк для чего эта информация мне.

– Петь, я всё равно ничего не понимаю. Давай попозже созвонимся?

– Подожди, Мира. Я ведь звоню не просто так.

«Вот с этого, господин Загороднев, и стоило начинать», – с трудом удержалась, чтобы не сморозить глупость, на которую он мог обидеться.

– Это из-за проекта, да? Никто не хочет связываться? – Напряглась в ожидании безрадостных новостей.

– Что? Какого ещё проекта? А, ты про детский центр...

Разумеется. Это мы с сёстрами от страха получить отказ извелись напрочь, а толстосумы переживали совсем по иному поводу – как бы не спустить в унитаз с таким трудом накопленное, заработанное и нисколько неворованное богатство.

– По твоему вопросу подвижек пока нет, – сообщил Пётр, – но у меня к тебе встречное предложение. Не знаю в курсе ты или нет, у жены мэра день рожденья, по радостному поводу в субботу он организует приём.

– Только не это, – не сдержала страдальческого стога, – ненавижу дурацкие сборища. Это же её личный праздник. В конце концов купил бы ей муж путёвку в Европу, и ехала бы она со своими подружками эпатировать средиземноморье.

– Не знал, что ты столь щепетильна в вопросах досуга.

– Приглашение к мэру не досуг, а обязаловка. Тем более какой идиот по доброй воле засунет голову в террариум без защитной экипировки.

Загороднев громко расхохотался: – Ты нечто, Мира. Но отметитья нужно. И не только мне.

«Что за намёки? Не могла же я столь впечатляюще опростоволоситься, что оказалась на записке у мэра», – подумала, но вслух произнесла сокращённый вариант: – А я-то каким боком?

– А кто решил ни с того ни с сего залезть в карман к власти имущим дабы претворить в жизнь свои фантазии?

Сказанное почему-то задело: – Во-первых я ни к кому в карман без спроса не лезу. Во-вторых, не к власти имущим, а бизнесменам, имеющим солидный доход. А в-третьих, помогать обездоленным, тем более с ограниченными возможностями по здоровью и уж тем более не достигшим совершеннолетия – священный долг каждого взрослого человека.

– Не кипятись, девочка. Ты можешь быть сколько угодно правой с точки зрения морали, но никто из упомянутых тобой бизнесменов не станет бегать за тобой, умоляя принять подписанные чеки. Это тебе предстоит хорошенько потрудиться, чтобы выклянчить десять минут драгоценного времени занятых людей. И неважно бизнесмены они или из государственных структур. Надеюсь, нет нужды объяснять как и почему?

Когда же я научусь проявлять гибкость в ключевых моментах? «Если к двадцати без малого восьми годам не обрела положенные навыки, то шансы не велики», – мой внутренний голос безжалостен.

– Ты прав, Петя, прости, – предусмотрительно покаялась. После совместного проживания с Подольским, урок мной усвоен на сто процентов. – Но день рожденья не у мэра, а его жены, – последняя жалкая отговорка, чтобы избежать уготованной каторги.

– И что? При любом поводе собираются всегда одни и те же. Видимо господину Краско приспичило, возможно он завуалировал встречу с особенным человеком, которого не может пригласить ни в дом, ни в рабочий кабинет, чтобы не скомпрометировать себя. А тут предлог подходящий подвернулся. Причин может быть тысяча, стоит ли забивать голову лишней информацией. Просто извлекай выгоду для себя. Заодно и меня выручишь.

– Хорошо, – успела опрометчиво согласиться, когда сердце едва не остановилось насоем от внезапного осознания грядущей катастрофы.

– Мм... Петя, извини, но я не смогу...

– Что опять не так? – новое раздражение не заставило себя ждать. Сегодня Пётр Аркадьевич не отличался терпимостью.

– Подольский тоже приглашён?

– Откуда мне знать, Мира, право слово. Я знаю только, что приглашён я и моя спутница.

– Значит я твой «+1».

Загороднев молчал, не считая нужным вставлять комментарии, и вместе с тем его молчание кричало, что возможности отказа у меня не было.

– Ты должен понимать, если Гера будет присутствовать и увидит нас вместе, то скандала не избежать.

– Ми-ра, – протянул Пётр, давая понять, что устал выслушивать несерьёзные отговорки, – ответь, пожалуйста, на вопрос: сейчас, в настоящий момент ты замужем?

– Что за нелепость? Конечно, нет.

– Тогда почему тебя вообще беспокоит присутствие бывшего мужа? Вы поставили точку, перевернули страницу. Считай, что для тебя его больше не существует. К тому же если Подольский, хотя я не очень в это верю, рискнёт своей репутацией, то я не такой уж старый и немощный, чтобы не суметь отстоять честь своей спутницы.

– Только не начинай про возраст, Пётр Аркадьевич. Давай обойдёмся без этого.

– Уговорила. И давай обойдёмся без Подольского в наших с тобой разговорах, – мои слова вернулись ко мне бумерангом.

– Хорошо.

– Отлично. В субботу я заеду.

– Форма одежды?

– Я бы предпочёл вовсе без одежды, Мирушка, – голос приобрёл соблазнительные нотки вкупе с бархатистым тембром.

– Предлагаешь таким образом сразить наповал мэра и его гостей, чтобы, не знакомясь с документами и бизнес-планом все разом согласились спонсировать мой детский центр?

Он натужно закашлялся, словно чем-то неожиданно подавился.

– Ни за что! Мира!.. – Кажется, у Загороднева закончились слова. Я же шкодливо захихикала, прикрыв рот рукой. – Ты прекрасно меня поняла. Если уж тебе хочется разить наповал, то давай ограничимся тобой и мной. Я не потерплю свидетелей, – в ответ на мою откровенную глупость, он ответил строго и даже сурово.

Сколько бы Пётр Аркадьевич не прикидывался милым, пушистым и безобидным, он всегда оставался хищником, остальное маски. В своём поведении он ничем не отличался от Георгия. При очередном воспоминании о Бывшем, настроение поползло вниз, а моё лицо само по себе искривилось недовольством.

– Может закончим бесполезные препирательства? В субботу буду готова, о времени ты, безусловно, выступишь.

– Официальное начало в пять, но у меня уже запланированы дела. Как освобожусь, позвоню. Договорились?

– Конечно.

Глава 6

*Один идёт прямым путём,
Другой идёт по кругу
И ждёт возврата в отчий дом,
Ждёт прежнюю подругу.
А я иду – за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.
А. Ахматова, 1940 г.*

В означенную субботу с самого утра я, что называлось, наводила красоту. Набрала тёплую ванну, закинув горсть морской соли и капнув несколько капель эфирного масла с лёгким цветочным ароматом. И пока наслаждалась расслабленностью и покоем, потихоньку настраивалась на предстоящий вечер. Пётр, безусловно был прав, напомнив о том, что пора бы мне засунуть куда подальше чувство идиотского гиперболического превосходства и как можно скорее научиться лавировать среди заданных обстоятельств. Фыркнула и мотнула головой на гадскую мысль: пресмыкаться ради выгоды? Меня стошнит прежде, чем я хотя бы попытаюсь. Не знаю, то ли мама меня неправильно воспитала, то ли я по жизни неудачница. Но унижаться чтобы выклянчить денег, даже ради благого дела... Нет. Нет, нет, нет. Ни за что.

Если эти самые бизнесмены изначально не понимали самого смысла, идеи, что общество и наполняющие его люди, несли ответственность друг за друга, особенно за самых слабых из нас, то их ничем уже не переубедить, если только посулить поблажки в налогообложении бизнеса, но это не в моей власти. Объяснять же и рассказывать... на мой взгляд дохлая затея.

Какими словами можно объяснить, что были дети, которые скажем потеряли родных по воле злого случая, а были те, от кого отказались при рождении из-за врождённой неполноценности. Взять допустим неправильно сформированные конечности – дефект, сопровождался таким количеством заболеваний, названия которых большинство людей ни разу не услышат за долгую жизнь, а услышав ни за что не запомнят. И родители, получив в роддоме такого малыша, погружались в ужас от того, что их жизнь из наполненной счастливыми улыбками и радостью превращалась в вечную борьбу за выживаемость. Они сбегали от страха, паники, слабости, трусости, чёрствости, испугавшись в первую очередь и, пожалуй, единственную, за самих себя.

А как быть тем, кому не куда сбегать? Как быть тем, кто остался один на один со своей бедой, в которой нисколько не виноват? На кого они могли положиться, если элементарно в их окружении не было близкого человека, которому можно поплакаться на свою горькую долю.

Однажды увидевший таких детей меня поймёт. Они разучились плакать. Они даже не обвиняли нас, взрослых. Они просто жили в своём одиночестве. Кто-то ломался и тогда не жил, а доживал. Самые стойкие проходили через всё с той решимостью в глазах, которая рушила любые преграды, от которой бетонные стены крошились и осыпались в пыль. Но даже те из них, кто познал боль предательства, но имел крепкое, здоровое тело, никогда не поймут тех, кто неполноценен от рождения или стал таким из-за болезни. Небеса... зачем я снова думала об этом?

Слёзы молчаливо и бесшумно струились по щекам. Так подвывала моя душа. Увидев однажды девочку-подростка, вступившую в схватку с тяжёлым смертельным недугом, потерявшей в этой борьбе ногу и то, как она общалась с более младшими по возрасту ребятами взорвало моё представление о мире.

Почему мы допускали такое?! Почему мы – полноценные взрослые люди – проходили мимо? Когда рядом стояли, провожая нас в спину всё-понимающим взглядом, никому ненужные, но от этого не менее живые и как никто нуждающиеся в нас. Ласковым взглядом, улыбке, дружелюбном слове. Та девочка без ноги считала своим долгом помогать младшим, заботилась о них, как о собственных братьях и сёстрах. И только им она... улыбалась. Взрослым – никогда. О чём одинокие дети думали, когда смотрели на нас – равнодушных? Я ни у кого из взрослых людей за всю свою жизнь не встречала схожего взгляда. Быть может, переживали обиду и боль? О чём вы? Какие обиды? Они давно поняли и смирились со своей участью.

Когда ты всего лишь одинокий человек, брошенный с рождения или злые обстоятельства жестоко поиздевались, приспособиться невероятно трудно, тем не менее рано или поздно это происходит. Но если к имеющимся бедам добавляется борьба за жизнь, а у человека никого за спиной... Никого кто станет надёжным, непотопляемым якорем в самые тяжёлые дни, в которые просто не вмогуту терпеть, когда воешь не столько от боли, сколько от безысходности, когда не понимаешь почему должен на следующий день открывать глаза и продолжать бессмысленную борьбу, ведь заранее известно – победителя нет (не хочется произносить вслух, что победителем выйдет не человек). Мы, взрослые, сталкиваясь с неизлечимым недугом опираемся на нуждающихся в нас близких, вытаскиваем из себя все возможные причины для сражения, ставим перед собой масштабные цели, добиваться которых научились в процессе жизни, мы знаем, что такое победа и каково на вкус поражение, у нас накоплены необходимые навыки, умения и жизненный опыт. На что или кого опираться ребёнку-сироте? Вы знаете? Я – нет. Я вообще не понимаю, как у них получается выжить. Как... Взрослые мужчины и женщины не выдерживают и ломаются, имея поддержку друзей и родных. Почему же дети не ломаются, не имея рядом никого? Иной раз совсем страшные мысли посещают мою неутомимую голову: маленький человек, выигравший битву, всего лишь получает отсрочку, ибо кто ведает сколько времени и сил будет положено до окончания его войны. И какой ценой он выкупает каждое из сражений.

Я не выдержала морального бремени и погрузилась с головой под воду, задерживая дыхание пока терпели лёгкие, пока не застучал пульс в ушах, пока не почернело под зажмуренными веками, под которыми давно черно. Вынырнув, жадно глотала воздух и перестала сдерживать безудержные рыдания. Схватившись ладонями за бортики ванной, подтягивая согнутые в коленях ноги к груди, я плакала долго, до тех пор, пока слёзы не кончились сами. И вот так теперь всегда. Стоило вспомнить о девочке без ноги, меня срывало в бездну отчаяния.

...Однажды я вызнала у Геры телефон директора одного из детских домов нашего города, в который бывший муж ежемесячно отправлял денежную помощь. Людмила Геннадьевна всю профессиональную жизнь курировала детей-инвалидов. Сейчас я отчётливо понимала, что выбрала совсем неподходящее время для погружения в гнетущую атмосферу, требующую невероятной стойкости и крепости духа. Но тогда под влиянием сиюминутного порыва, угнетённая холодностью Геры и тяжело переживая в одиночку, без поддержки случившийся выкидыш, я решила съездить и посмотреть своими глазами как жили дети-сироты, как проводили свой досуг, чем увлекались. Подольский никогда глубоко не вникал в их быт, интересы, не снисходил до общения, делая исключение лишь для директрисы. Он довольствовался сухими цифрами. «Нужна энная сумма? Не проблема. Обоснуйте и я вам её предоставлю», – такова его жизненная позиция, касающаяся вопросов благотворительности.

Я никогда не понимала, почему он не интересовался судьбой тех, для кого сам невольно выступал ангелом-хранителем. А меня волновало именно это. Хотелось копнуть глубже, погрузиться, вникнуть чем кроме денег можно было помочь. Нужда взглядов глаза-в-глаза, повешенных трагедий, стук детских пострадавших сердечек гнала меня прочь из особняка. И я с открытой личной раной добровольно шла туда, откуда невозможно выйти прежним человеком. Если бы кто-то остановил меня за руку тогда...

Закрывая глаза, я часто видела её взгляд. Не придумали таких слов, чтобы его описать. Необъяснимое сочетание внутреннего стержня с отсутствием надежды. Глядя на ту девочку, неожиданно настигало понимание, что слова не нужны. Она заранее предвидела всё, что люди собирались ей сказать. Знала правду, не ждала чуда, не ждала родителей, не надеялась на помощь. Строила планы, мечтала вырасти и выучиться, хотела стать хирургом, чтобы помогать детям, родившимся с увечьями, таким же как она.

Разве так бывает – знать, что выхода нет, но продолжать бороться...

Родители отказались от неё в роддоме. Не ожидали, что ребёнок родится проблемным, не были готовы, не справились с обрушившимися новостями. Врачи безжалостны: малышка – инвалид на всю жизнь. И родители приняли совместное, наверняка, непростое решение – подписать отказ от ребёнка. Дали себе шанс на сытую, спокойную жизнь, на последующих здоровых детей. Я не бралась осуждать, я не Всевышний. Но кто даст шанс той девочке узнать, что такое настоящая материнская и отеческая ласка? Кто кроме воспитателей и таких же одиноких детей, как она, прочитает ей сказку на ночь? Кто сможет указать и наставить на верный путь в моменты наивысшей нужды и острого отчаяния?

Как я заметила, половине современного общества пришлось по нраву рассуждения об естественном эволюционном отборе, особенно кто ратовал за аборт при распознавании заболеваний плода во время беременности. Их оппоненты, напротив, выдвигали доводы о том, что каждый имел право на жизнь, в том числе плод с отклонениями. Я же истерически хохотала, когда слушала и тех, и других. Что же вы, господа хорошие, посоветовали бы девочке, биологическая мама которой то ли не прошла должного обследования, то ли компетентных специалистов не оказалось поблизости на её беду? Как бы ни было ребёнок появился на свет искалеченный, требующий ежесекундного пристального внимания и специализированного ухода. Сделать аборт само собой отпало, малышка успела появиться на свет. Тут, конечно, захлопал в ладоши второй лагерь – они довольны, ребёнок выжил, вот пусть теперь живёт и радуется, ведь они отстаивали его право на жизнь.

Жизнь?! Вы действительно верили, что отказники и сироты с инвалидностью в детских домах жили? Вот прям в полном смысле слова, которое вы вкладывали для себя и своих близких в это понятие? Я не представляла, как кто-то смел называть существование несчастных детей – жизнью и бахвалился этим. Чем вы гордились? Тем, что ребёнок с самых первых дней появления на свет испытывал адские боли? Или тем, что, когда он подрастал и звал маму с папой, на его крики никто не приходил, пока он не срывал голос? Не говоря о выплаканых слезах на тысячу лет вперёд, отсутствии смеха как такового, даже не то, что смеха, хотя бы жалкого повода для улыбки.

Та девочка до моего визита успела пережить множество операций, одна из которых забрала её ногу, но сохранила жизнь. Кто-то снова поразился, как же прекрасно, что ребёнок выжил. И я соглашусь.

Любая жизнь стоит того, чтобы её прожить!

Но... Тот вопрос, который я бы хотела задать участникам обеих противоборствующих сторон: вы хоть раз задумывались над тем, а чего же на самом деле хотели сами дети? Хоть один из вас, чёртовых советчиков, подошёл к измученному операциями, химиотерапиями, реабилитациями человечку с одним единственным вопросом: а чего хочешь ты, малыш?

Мы могли сколько угодно рассуждать о том, что есть истина, а что – заблуждение. Пока сидели в тёплых кабинетах, спали в мягких постелях и жевали на завтрак колбасу. Но только те, кто на собственной шкуре испытали каково это – изо дня в день жрать горстями обезболивающее вместо завтрака и шептать в стиб локтя выдуманные знахарские наговоры, чтобы вены не убегали и не прятались, когда наступало время ставить капельницу с выжигающим нутро «лечебным» раствором, от которого пациент если бы мог, то бежал в самые дальние дали без оглядки, сверкая голыми пятками, имели моральное право давать советы. Наверно хорошо,

что физическая слабость отключала не только тело, но и мозг, и на мысли о сведении счётов с жизнью тупо не хватало жизненной энергии.

Той девочке требовалась срочная операция. Сумма не маленькая – около трёх миллионов рублей. Директриса добилась через благотворительный фонд, чтобы малышку поставили в очередь, телевизионщики должны были приехать через несколько дней и снять ролик с её участием на сбор благотворительных средств. Но я не смогла просто развернуться и уйти, тот случай, когда ноги буквально прирастали к полу. Всё что я сделала – один звонок мужу и отправленные ему фотографии медицинского заключения с выставленным счётом на оплату. Я не рассчитывала на стопроцентный успех, но на следующий день вся сумма до копейки была переведена, и в тот же день малышка срочным рейсом улетела в столицу. В последствии я узнала, что операция прошла удачно. Упрямая девочка-подросток не собиралась прощаться. В который раз она вернулась, побывав на самой грани. Господи, я заматерелая атеистка, неистово молилась с трудом бормоча бессвязные слова от едкого кома в горле, чтобы девичье мужество, на которое не способны многие стойкие взрослые мужики, но тем паче заслужившее преклонение, принесло свои плоды и не пропало даром. Я знала, верила, она выдержит реабилитацию. Да только горькая ирония в том, что девочка в любом случае искалечена. И её детская мечта стать хирургом, попросту неосуществима. Она никогда не сможет взять в руки скальпель, потому что изуродованные при рождении пальцы не в силах его удержать. Но мне бы хотелось, чтобы она нашла себя в профессии, не в хирургии, а возможно в одной из областей биохимии. Она очень умная и сообразительная, будто в награду за физическое увечье и неполноценность природа наделила её острым и цепким умом. А может в том заслуга одиночества, и чтобы не думать о несправедливой судьбе, она предпочитала погружаться в умные книги. «Будь счастлива, малышка», – прошептала очень тихо, одними губами, чтобы не спугнуть громкими словами удачу.

Зато с каждым прожитым днём я становилась всё злее и ожесточённее. Не на кого-то одного, нет. На всё человечество в целом. На всех, кто допускал жестокость, кто отворачивался брезгливо, словно измазался в фекалиях, кто смеялся, тыча пальцем в несовершенство физического тела. На тех, кто, сюсюкая со своими родными чадами, едва приметив проявленный интерес к уродству учили: «Не смотри. Невежливо рассматривать неполноценного человека». А я вопреки всему продолжала ждать и надеяться, чтобы однажды встретить того родителя, который достал бы из кармана карамельку, вложил в руку своему сыну или дочери и сказал: «Думаю, та девочка будет рада познакомиться и пообщаться с тобой».

И я как в бреду смотрела: отовсюду, от каждого человека, изо всех углов, когда ты на вокзале, в аэропорту, на базаре, в метро, там, где вокруг десятки тысяч людей с безликими пустыми лицами, сливающимися в одно – кто-то бормотал, кто-то грубо толкал, кто-то подошёл и заорал в лицо. А слова одни и те же: «Не смотри! Не смотри! Не смотри!»

Я закрыла уши руками и, зажмурив глаза, чтобы не видеть жестокости, громко завопила через прерывистые, судорожные всхлипы, стараясь перекрыть все голоса разом и каждый в отдельности: «Эти дети такие же люди!»

Но нет... не такие же. По своему внутреннему развитию они намного нас превзошли. Во благо или во вред, каждому решать в одиночку. Но. Они знали о нас всё, а мы о них не знали ничего.

Потому надеяться на мою покладистость на вечеринке по приглашению мэра и его жены бессмысленно. Перед разряженными мужчинами и женщинами, благоухавшими не столько парфюмерными букетами известных марок, но прежде всего источавшими вокруг себя запах власти, денег, успеха, смотревшими вокруг свысока, с присущим статусным высокомерием и чванливостью, как обязательное условие для кастового отбора. Если вы не обладали нужными качествами, то не попадёте в когорту всемогущих.

Выйдя из ванной, я сразу направилась в сторону кухни, открыла один из ящичков на верхнем уровне, в котором хранились чайные пакетики, приправы и.. валерьянка. Да, мне двадцать семь, и я знала, что такое валерьянка. После первого в своей жизни визита в детский дом я скупилась все запасы в ближайшей аптеке. Запах отвратительный, вкус такой же, но иногда помогало, а порой, как сейчас, мне просто было «нужно». Чтобы найти внутренний источник сил, сказать себе не «я могу», а «я должна». В конце концов были те, кому намного тяжелее, чем мне и кто нуждался во мне гораздо сильнее, чем я сама в себе нуждалась.

Чёрное платье в пол, наглухо закрытое, как и я сама. Мне нравилось, что после валерьянки руки переставали мелко дрожать. Капли в глаза – жизненная необходимость, наравне с обязательным макияжем, чтобы скрыть покрасневшие веки. Небрежная укладка волос в низкий пучок с выпущенными боковыми прядями, иначе меня примут за монашку. Алая помада была бы кстати, но меня могло стошнить от кровавого цвета., поэтому выбрала блеск для губ. Я не собиралась красоваться, я собиралась основательно пробраться в стан врага и втереться в доверие к жёнам толстосумов, от которых прежде сбегала едва завидев.

– Мне показалось или ты чем-то расстроена, Мира? – спросил Пётр, когда мы входили в Олимпию, второй шикарный ресторан нашего города.

– Просто ожидание новостей по детскому проекту оказалось выматывающим, – моя натянутая полуулыбка полностью передавала суть сказанных слов.

– Для тебя Центр очень важен, не так ли?

– Иногда мне кажется, что он и есть моя жизнь. Хотя странно так говорить, ведь пока его можно считать лишь фантазией.

Пётр резко остановился, я держала его под руку поэтому тоже остановилась и вскинула удивлённый взгляд, встречаясь с серым и задумчивым. Его пальцы дотронулись до моего подбородка, не удерживая, лишь касаясь:

– Ты странная.

Прозвучавшие от него слова, сопровождавшиеся спокойным взглядом, неожиданно расслабили, и я широко улыбнулась, отпуская внутренние терзания: – Похожего комплимента мне слышать не доводилось.

Но громкий и неожиданный возглас, раздавшийся из-за спины, на корню уничтожил желание улыбаться, а Пётр неохотно отвёл пальцы от моего лица, не скрывая досады.

– Какая неожиданная встреча! Пётр. Мирослава.

Подольский, судя по всему, приехал позже нас, но сейчас сравнялся, придерживая под локоть спутницу. Едва взглянув на неё, я вдруг утешилась тем обстоятельством, что она не та рыжая, над которой пыхтел мой бывший муж в последнюю ночь, проведённую под одной крышей особняка.

Яркая брюнетка решила воспользоваться подходящим моментом, чтобы продемонстрировать шикарную фигуру, которую не скрывало чёрное платье на бретелях с впечатляющим декольте и с глубоким разрезом вдоль бедра до самой талии. Девушка безусловно знала, что пышная грудь и крутые бедра собирали восхищённые взгляды всех присутствовавших мужчин и завистливые от женщин. Она с нескрываемым вызовом в угольно-чёрных глазах и насмешкой, искривившей алые губы, разглядывала меня в ответ.

– Добрый вечер, Георгий. Как жизнь молодая?

– Смотрю это ты, Пётр Аркадьевич, молодисься, с каждым разом твоя спутница становится всё моложе и моложе.

Я смутилась, отворачиваясь, чувствуя себя предметом мебели, но самое неприятное – бывшем в употреблении. Петру всего сорок два, выглядел же он и того моложе. Как-то рановато записывать его в старики, а я для роли нимфетки, напротив, несколько старовата.

– Рядом с Мирушкой даже самые юные прелестницы теряют всякое очарование, – Пётр уложил мою кисть на свою согнутую в локте руку и похлопал по ней. Почувствовав поддержку, я вмиг перестала смущаться, умудрилась даже хмыкнуть и закатила глаза.

– Мне ли не знать, – принял подачу Гера, – но внешность иногда оказывается обманчивой.

Что за бред он извергал? В чём и когда я умудрилась его обмануть?

– Или же кто-то оказался слеп, чтобы разглядеть подлинность.

На этом моя выдержка дала трещину. Обсуждать меня же, когда я стояла рядом – дурной тон.

– Пётр, а как же подарок от нас? – я удачно вспомнила цель нашего визита, заодно представился случай позлить Подольского неслучайно брошенным «нас».

– Не переживай, Мира, я заезжал к имениннице сегодня в обед. Смиренно каюсь, – он склонил голову в низком театральном поклоне, почти доставая подбородком до груди, – вручил его от твоего имени.

– Почему от моего? – искренне удивилась.

– Хм, подарок на мой старомодный взгляд носит достаточно интимный характер, чтобы я дарил его от своего.

В ответ я расхохоталась, восторгаясь его изворотливостью.

– Не буду спрашивать почему поступил именно так, но надеюсь ты мне раскроешь секрет, что именно было в подарке. Иначе может возникнуть неловкость, если именинница решит выразить свои благодарности, либо предъявит претензии.

– Не поверишь, но я бы с превеликим удовольствием продемонстрировал тебе те занятные вещицы из подарочного набора и скажу больше, предпочёл бы сам одеть их на тебя. Но мне остаётся только представлять лицо её мужа, когда супруга осмелится показать ему обновки.

– Ты меня пугаешь, – продолжала посмеиваться, но уже не так бурно. Пётр тем временем возобновил движение, а я запоздало поняла, что Бывший успел скрыться со спутницей, не дожидаясь окончания нашей с Петром беседы.

Глава 7

Поздравив хозяев праздника – чету Краско, в особенности Инессу Вениаминовну – обменявшись дежурными фразами и улыбками, Пётр сопроводил меня за один из круглых столов, где уже восседала пара в годах.

– Добрый вечер, Владимир Афанасьевич. Валентина Михайловна, вы, как всегда, само очарование. Мира познакомься, Владимир Афанасьевич глава известной тебе страховой компании и его обожаемая супруга Валентина Михайловна. – Меня же Пётр представил вовсе неожиданно: – Мирослава Андреевна – мой добрый друг.

– Хм, ни разу не слышала, чтобы кто-либо называл друга злым.

Семейная пара сдержанно и синхронно обозначила улыбку кончиками губ, после чего вернулась к своим наполненным тарелкам.

– Что будешь пить? Может белое вино?

– Нет. Пожалуй, откажусь, – мне хотелось иметь трезвую голову на случай стычек с Подольским. Я не тешила себя напрасными надеждами, что мы сумеем разойтись, как в море корабли. Слишком хорошо зная его характер, уже сейчас я начала настраиваться на возможное выяснение отношений.

– А я пригублю рюмку коньяка. Ты не возражаешь?

– С чего мне возражать? Просто если собираешься выпивать, то позаботься, пожалуйста, о водителе заранее.

– Боишься? – короткий смешок в мою сторону.

– Пётр, – укоризненно посмотрела в ответ. Если человек не понимал очевидного, то имелась ли нужда в объяснениях.

Он тем временем наполнил наши тарелки, тем самым ненавязчиво поухаживал за мной, а на сцену вышел конферансье восхвалять достоинства именинницы, замалчивая естественно недостатки. После пафосных слов которого, неловкость прочувствовали все присутствующие, находясь в одном зале вместе с женщиной-совершенство, спустившейся с небес на грешную землю, как-то недозволительно для простых смертных. Народ откровенно посмеивался, но ведущего ничего не смущало, а бросив взгляд сквозь столы и фигуры людей я заметила, что именинница не сводила с него обожающего взгляда и по внешнему виду казалась весьма довольной. Что ж, кесарю кесарево.

– Я думала, что мы сюда не за едой пришли, – наклонилась и прошептала в самое ухо своему спутнику.

Пётр усмехнулся: – Ты вроде была замужем, Мира. Неужели не заметила, что ни один мужчина, если он не смертельно болен или ранен в ожесточённом бою за поцелуй прекрасной леди, никогда не откажется от еды.

– Извини. Успела отвыкнуть. У меня с этим дела обстоят по-другому.

– Хм, быстро ты отвыкла.

Почему-то стало неудобно, словно я не отгуляла положенный траур после бракоразводного процесса.

– А я разве что-то должна? Не ты ли мне говорил, что бывшего мужа для меня больше не существует?

– И когда только успел?

Захотелось отвесить затрещину Петру Аркадьевичу, который старше меня на... приличное количество лет. Обстановка тоже мало располагала к фамильярностям. Но хотелось нестерпимо, аж руки зачесались. И только минуты спустя я заметила, как мелко тряслись плечи и подрагивали кончики губ Загороднева.

– Ты меня дразнишь?! – возмутилась и неизвестно почему широко улыбнулась этому обстоятельству.

– Наконец ты улыбаешься, Мира. А то я начал опасаться, что так и просидишь весь вечер, будто на иголках. Расслабься, получай удовольствие от еды, компании, – мы оба, не стовариваясь, глянули на нечаянных соседей по столику и вернули взгляд друг на друга, – с компанией не очень вышло. Тогда от музыки, – в это время на сцену для исполнения очередного музыкального номера вышли три молоденькие девушки, одетые... в общем стратегические места прикрыты и спасибо им за это.

– Согласен, обстановка так себе, по крайней мере кормят вкусно, – Пётр мне задорно подмигнул и закинул в рот креветку.

Честно говоря, я извелась от бестолкового времяпровождения. Музыкальные номера сменяли друг друга, чередуясь плоскими шутками конферансье и поздравлениями гостей. Самые влюблённые в именинницу, а может в её супруга, точнее в его чиновничью должность, выходили на сцену и подолгу что-то желали.

– Я попудрить носик, – предупредила Петра, прежде чем удалилась.

Дамская комната странным образом пустовала. Сделав положенные дела, я задержалась у зеркальной стены с умывальниками. Руки давно высохли, но отчего-то я продолжала стоять, опираясь руками о бортик раковины и смотрела в глаза грустной женщине из отражения. Пустой и бессмысленный взгляд карих глаз весьма точно отражал мои внутренние чувства.

– Кто я, и что здесь делаю? – прозвучал вслух вопрос с подвохом.

Дверь открылась и вместе с шумом внутрь вошли три девушки. Я с ними встречалась раньше, но хоть убейте, не помнила имён. Да и нужно ли. Открыла сумочку, чтобы провести блеском по губам. Возвращаться в шумную залу категорически не хотелось.

– Ты ведь Мира? – ко мне обратилась симпатичная брюнетка, с выразительными синими глазами.

– Да, я Мира. А вы? – указала девице на наглость.

– Я Марі. А ты действительно развелась с Подольским?

Что? Девочки, ну как так-то? Неужели всё, что вас интересует – это свободен ли мужик с внушительным банковским счётом в кармане?

– Я думала, что личная жизнь на то и называется личной, что не подлежит обсуждению. – На мой ответ брюнетка нахмурилась и недовольно поджала пухлые губы. Мне понравилось, поэтому я смиловилась: – Мы из этого секрета не делали, так что да, мы в разводе.

– Ну ты даёшь, – ожидаемый радостный выдох.

– Имеешь виды? – я не пыталась скрыть сарказм.

– Я нет. Но моя подружка не отказалась бы.

К нам присоединились две её подруги, включая воду и споласкивая руки.

– Ланка осталась без поддержки, – Марі кивнула на шатенку с кудрявой гривой волос в ультракоротком мини-платье. Алая помада, черные стрелки вокруг карих миндалевидных глаз. Тигрица на охоте. Я криво усмехнулась:

– Удачной охоты, девушки.

– А ты почему ушла с богатой кормушки? Вроде не страшная, – четвертая участница нашей нелепой беседы окинула меня оценивающим взглядом с головы до пят, – с нарядом ты, конечно, лопухнулась, но если приодеть и накрасить, то думаю легко найдёшь себе крутого мужика.

– Она уже, – Ланка обернулась ко мне скрещивая руки под внушительной грудью. Ткань в области декольте угрожающе натянулась. – Она с Загородневым-старшим.

– О-о, а ты не промах, – Марі одарила меня новым взглядом, с неким налётом уважения.

– А ты с кем? – я решила прояснить для себя последнюю деталь. Если Мари́ тоже из клана любовниц, как две её подруги, а не чья-то жена, то я предпочту поскорее отчалить, избавляясь от фонившего глупостью разговора.

– С мужем, с кем же ещё. Ты не знаешь, что ли? – её удивление не казалось наигранным.

Но позвольте, откуда мне знать кто чей муж или чья жена, если я никогда не трудилась запоминать хотя бы имена, не говоря о статусе. Сегодня одна, завтра другая, послезавтра десятая. «Вот и меня настигло колесо судьбы. Был Гера, кто будет завтра...» Я неопределённо пожала плечами: – Так кто твой муж?

– Банкир же. Один из трёх совладельцев Капитал Банка, – три пары глаз смотрели на меня как на юродивую. А я пришла к выводу, что они не далеки от истины.

– А-а, – банк я само собой знала, кто его владельцы мне в принципе было до лампочки. Но поскольку хотелось и более того являлось для меня целью первостепенной важности найти спонсоров для воплощения детского проекта, я напомнила себе, что обещала стать мягче и гибче в общении как раз таки с подобными, хм, девушками. – Хороший банк, – с моих уст должна была прозвучать похвала. «Мира, ты безнадёжна», – моё внутреннее я показало мне жест «рукалицо». Но не тут-то было.

– Это отличный банк.

– Я открыла там депозит, и мне уже пришли проценты, представляешь?

– Там та-а-кой молодой кассир, закачаешься. Ему фотомоделью работать, а не деньги слюнявить в каморке. Всякий раз глядя на него, я жалею, что он всего лишь кассир.

– Просто ты не видела их начальника охраны.

– Почему не видела, видела, но он же ста-рый!

– А между прочим, один из совладельцев до сих пор не женат.

– Да за него никто не пойдёт. Если только отчаявшаяся будущая самоубийца. Он же псих. Информации становилось слишком много.

– Девочки, давайте по одной. Кассир, охранник – лишнее. Вы мне скажите лучше, банк действительно платёжеспособен?

– Вообще-то, – Мари́ вся подбоченилась, задрала подбородок повыше и обвела всех присутствующих королевским взглядом, – мой муж фуфлю гнать не будет.

Я едва сдержала смех, для этого пришлось зажевать нижнюю губу. Но мои новые знакомые оказались не столь бесполезны, как могло видаться вначале. Мне сразу стало понятно, что из себя представляли неведомые трое совладельцев банка, по крайней мере двое из них: тот который псих и муж без фуфла – скорей всего имели за плечами бандитское прошлое. Успев преждевременно обрадоваться, я приуныла. Без поддержки Подольского за спиной, так не вовремя сменившим статус на Бывшего, я ни за что не сунулась бы туда, где имелся малейший намёк на криминал. Не мог Гера чутка подождать со своими изуверскими и кобелиными замашками? Я бы успела подружиться с Мари́. Он бы сопроводил меня на встречу к бандитским банкирам... Собственные идиотские мысли остановил равный по содержательности девичий щебет.

– Ты вроде ничё такая. Давай обменяемся телефонами. Можем тусить вместе иногда.

– Да я вроде как не хожу по тусовкам. И скорей всего покажусь вам скучной, – с изрядным скепсисом и сомнением я поглядывала как Мари́ качала рукой с зажатым в ладони мобильным телефоном, чтобы записать мой номер.

– Так и я замужем. Тем более мой меня никуда не отпустит. Но иногда бывает, что удаётся совместить отдых мужа и встречи с подругами, – она смотрела прямо и открыто, демонстрируя, что отступать не намерена.

Муж-банкир-бандит такое себе качество для возможной подружки...

– Записывай, – на свой страх и риск я продиктовала номер.

– Пока Мира, на созвоне, – девушки убежали, а я снова обернулась к зеркалу. Смочила руки в ледяной воде и приложила к щекам, остужая. «Странные знакомства нынче случаются в туалетах», – ухмыльнулась над собой и ситуацией в целом.

А после я без задней мысли вышла из дамской комнаты, повернула налево, чтобы пройти по коридору, но неожиданно под грудь меня обхватила крепкая рука, а со спины прижался торс. Резкий аромат узнаваемого одеколona моментально забился в ноздри. Частота моего пульса за секунду разогналась до максимальных значений.

– Я чувствую, как ускоряется твоё сердце, малышка. Рада мне?

– Что ты делаешь? – попыталась обернуться, но рука сжала сильнее, зубы прикусили мочку уха, причиняя боль и тут же остужая дыханием и лаской.

– Пойдём, поболтаем, Мир-ра, – Гера всегда растягивал моё имя, когда что-то задумал.

– О чём нам говорить? Мы вроде всё выяснили, – зачатила с вопросами пока он тянул меня за руку, но не в сторону входа в шумный зал с гостями, а в противоположную. – Куда ты меня тащишь? Гера, помедленнее.

Бывший же пёр танком, никак не реагируя на мои слова, что я едва поспевала за ним на каблуках. Открыв неприметную дверь, он втокнул меня внутрь, зашёл сам, и тут же я услышала характерный щелчок дверного замка. Глаза в темноте с непривычки часто моргали. Прищурившись, я огляделась. Из небольшого окна свет уличных фонарей подсвечивал обстановку и наши силуэты. Кругом возвышались какие-то стеллажи с коробками разных размеров, пахло сыростью и пылью, большего я разглядеть не смогла.

– Куда ты меня привёл?

Я осторожно отошла к стене, шаря вокруг себя руками на всякий случай, чтобы не свалить в темноте какой-нибудь из шкафов, прикидывая в уме сколько получится грохота. Да и проверять что в коробках, когда они рухнут на голову, почему-то не хотелось.

– Ну что, Мирочка. Поздравляю. Наш брак не успел остыть, а ты уже с новым любовником в обнимку. Или он не новый?

Гера подошёл вплотную, окружая меня не только жаром крепкого тела и любимым парфюмом, который я регулярно покупала последние семь лет. Но и присущей ему давящей аурой, внутренней силой, той мужской властью, почуяв которую любая самка моментально принимала покорную позу. А что говорить обо мне, когда все поры на моей коже пропитались его запахом, каждая клетка моего тела имела его личную метку. Он стоял очень близко, не дотронувшись до меня даже пальцем, и лишь обдавая лицо тёплым дыханием с ароматом коньяка. Я безотчётно задыхалась глубже, просто потому что вдруг захотелось вдохнуть больше его, через воздух унять тоску, нужду о ком нельзя вспоминать, думать, но кто навечно стал частью меня. Мне не терпелось закутаться в него, чтобы вернуть утраченную половинку себя. Только то, что он стоял в каких-то миллиметрах уже заполняло меня эйфорией и всё равно я желала большего, хотела прочувствовать его ещё сильнее, влезть в него глубже, как раньше, до того, как... Последнее «как» лишь немного остудило голодную потребность, которую только он мог удовлетворить.

– Что ты хочешь услышать? Тебе напомнить причину развода? – я взмолилась про себя, чтобы мой голос не дрожал и не выдал пошлых мыслей. А темнота вокруг стала казаться величайшей удачей. После моих слов, вместо того чтобы отступить, Гера, наоборот, прижался теснее и провёл носом по щеке до уха:

– Мм, пахнешь, как и раньше, Ми-ра.

Мне пришлось упереться в его грудь ладонями, пытаюсь отвоевать для себя больше свободного пространства. Иначе для меня эта близость грозила обернуться катастрофой. Прошло не так много времени после развода, чтобы я успела позабыть его тело, что умели вытворять его руки и на какую нежность порою были способны губы.

– Гера, перестань. Что ты делаешь? Мы же в разводе. – Мои отрывистые фразы прерываемые шумным сбившемся дыханием его не впечатлили. Он успешно делал вид, что ничего не слышал, и с упоением посасывал мочку моего уха, а после заскользил поцелуями вниз по шее.

– И как тебе Загороднев в постели, нравится?

Я невольно ахнула от уничижительного вопроса или от последующего ощутимого укуса за тонкую кожу шеи:

– Ты совсем ополоумел спрашивать о таком, – резко толкнула его в грудь. Я была уверена, что он даже не почувствовал моего трепыхания, но Гера всё же отстранился, пытаясь заглянуть в мои глаза. Что он собирался разглядеть, когда света уличных фонарей из маленького окна едва хватало, чтобы проследить очертания силуэтов? – Тебя, между прочим, дожидается барышня. Испереживалась небось бедняжка о пропаже кавалера, – язвила намеренно, чтобы удержать внутренние щиты.

Я не могла допустить, чтобы он пробрался в мои мысли, коснулся души. Слишком больно... Но позволить ему это – хотелось стократ сильнее. Ответа я не дождалась, потому что в следующее мгновение мои губы были подло атакованы. Гера не ведал жалости, он будто заново клеймил меня своими губами, терзая нежную плоть, больно покусывая и влажно облизывая следом.

– Кто тебя лучше удовлетворял, Мира, он или я? – выдох в губы и новая атака. Теперь мой язык застрял в алчном плену без права на помилование. Мне бы оказать достойное сопротивление, но: «Я свободная, разведённая женщина, изголодавшаяся по мужской ласке. Его ласке». Так я оправдывала себя, пока позволяла проделывать с собой невообразимые вещи. В соседнем помещении за накрытым столом меня дождался мужчина, который относился ко мне со всем положенным уважением. И хоть я не давала повода надеяться на большее, тем не менее с моей стороны некрасиво прийти с одним, а целоваться в подсобке с другим.

«Некрасиво? – вопил здравый смысл, – это отвратительно!»

«Мм... восхитительно! Это же Гера», – своевольно и категорично отвечало моё тело. И сегодня я не находила в себе сил на сопротивление. Поэтому вцепившись пальцами в лацканы пиджака я вжималась в Бывшего всё крепче, в итоге и вовсе закинула ногу ему на бедро. Гера зарычал, понимая, что моё сопротивление пало и подхватил ногу под коленкой, сильнее впечатывая губы в мои и вжимаясь в меня пахом. Дыхание сбивалось, но мы не могли оторваться друг от друга, словно не существовало последних месяцев боли, обид, предательства, развода, будто мы снова стали влюблёнными, которые даже на мгновение не могли расстаться.

– Чёрт, Мира, с ума можно съехать... до одури хочу тебя... Я должен оказаться в тебе.

Я слышала его хриплую, сбивчивую речь, но не понимала смысл. Наглые пальцы проворно задирали подол платья, горячая ладонь скользила по ноге вверх, но только когда поверх резинки чулка его обнажённая кожа соприкоснулись с моей, отправляя сноп множества искр в сердцевину моей женской сути, вместе с диким возбуждением на меня сокрушительно и неотвратно накатило осознание. Мой бывший муж, в эту самую минуту собирался поиметь меня по примеру той девицы, которая являлась его «+1» на сегодняшний вечер.

И стоило мне только представить, что я буду после неё или даже до неё, но в любом случае после другой женщины... очухавшаяся от дурмана память услужливо забросала меня яркими воспоминаниями, когда Гера точно также сношал в нашем доме рыжую вертихвостку. Недавнее возбуждение сошло резко, в один миг. На его место пришла ледяная стужа, поднявшаяся из глубин души, и за короткое мгновение полностью захватила меня в плен. Удивительно, что зубы не стучали, ибо холод и мерзость от происходящего, были непереносимыми.

– Остановись, – мой голос звучал полным отражением меня. Мужские пальцы на секунду замерли, но через удар сердца продолжили начатое движение в сторону белья.

– Остановись, Гера. Я не шучу, – мне хотелось вложить в слова всю накопленную ненависть, которую наравне с любовью испытывала к подлецу.

– Ты издеваешься, Мира?! Сама же минуту назад вешалась на меня, как похотливая сучка, а сейчас просишь остановиться?

Я вздрогнула от оскорбления и злющего голоса, но моё сердце давно под слоем льда и обидные слова касались лишь телесной оболочки, не причиняя вреда.

– Просто закономерная реакция тела, но я тебя не хочу. – Я прекрасно сознавала, что последнюю фразу было бы предпочтительнее завуалировать, но мне откровенно надоело подстраиваться под того, кто этого не ценил и не заслуживал. Ударить он меня не ударит, не то место и время. А оскорбления я в состоянии пережить. Месяцы одиночества и тоски не избавили меня от зависимости от Геры, но местами рубцовая ткань начала покрывать отдельные раны. Оскорбления, которые раньше мне казались концом света, сейчас вызывали глухую досаду. Я больше не надевала их на себя и даже не примеряла.

– Что, Загороднев уже побывал здесь с утра. – Мою промежность жёстко сжала ладонь, которая и не думала выбираться из-под платья.

– Никто нигде не бывал, Гера. – Я вновь упёрлась в его грудь двумя ладонями и толкнула от себя. – Кстати, моя личная жизнь не должна тебя волновать. Мы с тобой поставили точку и перевернули страницу, – недавние слова Петра пришлись как нельзя кстати, – отпусти меня.

– Неужели до сих пор не дала? – настырные пальцы продолжали касаться кружевного белья, рождая в моём теле новую волну дрожи и заново пробуждающегося возбуждения. Гера, как и прежде, слышал только самого себя.

– Убери от меня свои грязные руки. Ты куда ими только не лазил, кобель. Надеюсь, анализы сдаёшь регулярно? Хотя твоё здоровье меня больше не интересует. Можешь сношать всех подряд, жить в своё удовольствие, главное, что ты далеко от меня.

Не знаю, что из сказанного повлияло, но он вдруг выпустил мою ногу и даже слегка отстранился.

– Я здоров и ни с кем без резинки не совокупаюсь, – его голос, к моему изумлению, прозвучал обиженно.

– Рада, что ты не растерял остатки мозгов. Но мне пора возвращаться. Меня ждут, впрочем, как и тебя.

Я попыталась обогнуть Бывшего, возвышавшегося словно гора, пришлось обхватить его за плечи, чтобы просочиться мимо и не задеть в потёмках какой-нибудь стеллаж. Удивительно, но Гера любезно придержал меня и помог дойти до выхода, чтобы я не ушиблась или упала. Когда дверь открылась, и я покинула негостеприимную кладовую ярким свет из коридора больно резанул по глазам. Мне пришлось отвернуться в сторону, прикрывая веки ладонью, движение тела непроизвольно замедлилось...

Глава 8

*А ты думал – я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что броишь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.
Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе странный подарок —
Мой заветный душистый платок.
Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь,
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.
А. Ахматова, 1921*

– Мира! – резкий оклик раздался шагов через пять, – ты с ним спала?

«Просто уходи. Молчи и уходи». Мои руки безвольно повисли от осознания того, что бывший возлюбленный по-прежнему считал меня легкодоступной. «Можно ли насильно перестать любить? Если да, то как это сделать. Если нет, необходимо срочно придумать способ».

Я невольно остановилась, обмирая изнутри. Оборачиваться нельзя, смотреть нельзя, говорить нельзя. Можно и нужно только бежать. Но вопреки всем доводам здравого смысла я зачем-то обернулась, встречая синий взгляд, в котором шторм с самого дна поднимал тоску и печаль, подгоняя их суровым ветром навстречу ко мне. Кто просил меня оборачиваться? Сердце, моё ледяное сердце расчертила широкая трещина. Зачем он смотрел на меня своими печальными глазами, зачем я продолжала смотреть на него.

– Я не уверена, что когда-нибудь смогу, – полуулыбка вышла грустной, и я развернулась, чтобы пуститься прочь как можно быстрее.

Один шаг. Я успела сделать всего шаг, прежде чем моя кисть оказалась сжата резким болезненным хватом. Сердце застряло под горлом перестав биться, а через мгновение снова тёмная кладовая, и я подпирала спиной закрытую дверь. Гера опустился передо мной на одно колено и пальцами шустро собирал подол платья в гармошку, чтобы задрать его до самой талии.

– Ге-ра, – с трудом протолкнула обречённый стон. Я слишком хорошо понимала, что он задумал.

– Закинь ногу мне на плечо.

– Я не...

– Считаешь меня грязным, малышка? Сейчас посмотрим кто из нас окажется грязнее.

– Гера, не...

Треск разорванных трусиков резанул не только слух, но и прошёлся по каждому натянутому тетивой напряженному нерву. Бывший ухватил меня под ягодицы, нещадно впиваясь пальцами.

– Ноги на мои плечи, живо, – негромкий голос, но повелительный тон не позволил на этот раз проигнорировать приказ. Моя спина больно вдавилась в дверь, но Гера принимал мой вес на себя, помогая удерживать равновесие.

– Умница, Мира. Не шевелись, – последнее наставление раздалось слишком близко от обнажённого и раскрытого лона. Я с трудом сделала глоток воздуха, потому как в груди всё

сжалось от неверия в происходящее и предвкушения будущих непристойностей. А в следующее мгновение, горячий рот накрыл мою сердцевину, выбивая из меня рваный выдох вместе с хриплым стоном имени мучителя.

Я зарылась пальцами в короткие волосы, но уже вскоре изо всех сил сжимала его голову, чтобы не дать ему ни малейшего шанса прекратить то, что он начал. Волны удовольствия распространялись по всему телу в особом ритме сжимавшегося лона. Чернота под сжатыми веками повинуюсь ритмичной пульсации расцветивалась слепящими вспышками. Я жадно глотала воздух открытым ртом, после каждого вздоха облизывая губы, но они тут же высыхали. Гера без устали играл на моих оголённых нервах, взращивая напряжение до максимальных величин. Я же тихо поскуливала сквозь стиснутые зубы и дёргала его за волосы, когда приближалась к тонкой грани, но он оставлял острые ласки, менял положение, чтобы снова продолжить доводить до исступления. То его язык дразнящими движениями выписывал круги возле клитора, заставляя меня страстно желать алчные губы. Когда он языком погружался глубоко в лоно, я сжимала внутренние мышцы, чтобы получить больше удовольствия, добраться до максимального уровня наслаждения. Когда его губы аккуратно посасывали набухший бугорок, я мечтала, чтобы он прикусил его зубами, ибо мне не хватало остроты. В порочных мыслях я рисовала, как сама опрокидываю его навзничь и седлаю лицо. Однако Бывший не оставлял ни единого шанса моему сопротивлению. Только он властвовал сейчас, только он решал, насколько долго продлится моя попытка, и как скоро я получу освобождение.

– Гера, не мучай, – хрипло прошептала, когда каждый нерв и каждая мышца в теле натянулись до предела в ожидании желанной кульминации. Напористый язык лишь сильнее и яростнее нырял в самую глубину, не обращая внимания на мои жалобные всхлипы. И только мне стало казаться, что я не выйду из тёмной кладовой до рассвета, он вдруг впился в ягодицы сильнее, царапая кожу, а губы с жадностью всосали горошину клитора, пока язык щёлкал по центру. Я совершенно неожиданно для самой себя вдруг взлетела высоко-высоко и рассыпалась на мельчайшие крупинки, каждая из которых сияла интенсивнее самых ярких звёзд. Изумительное блаженство омывало тело, зарождаюсь внизу живота и расходясь круговыми волнами. Я не уверена, что когда-то мне было так же хорошо, как сейчас. А может я просто отвыкла получать удовольствие от любимого мужчины. Бывшего любимого мужчины.

– Мм, – стон разочарования вырвался сам собой, стоило Гере опустить мои ноги. Юбка опала вниз, прикрывая обнажённую срамоту. Он поднялся вверх и согнутые костяшки пальцев прошлись нежным движением по моей щеке.

– Теперь я убедился, как сильно ты изголодалась, малышка. Столько времени без мужской ласки, – горячий шёпот прозвучал возле уха. А затем влажные губы накрыли мои, увлекая в глубокий пошлый поцелуй. Я же без стеснения тёрлась всем телом о Бывшего, как последняя похотливая кошка, словно желая пометить его своим запахом, невольно вспоминая его сегодняшнюю спутницу. Когда он отстранился, чтобы мы выровняли дыхание и потёрся своим носом о мой, мне стоило невероятных усилий удержать себя недвижимой, чтобы самой не наброситься на него с новым поцелуем. Что со мной произошло? Какого чёрта я наделала?

– Вот видишь, Мирочка, что не такая ты у нас праведная, когда дело доходит инстинктов, – мужской голос незадолго звучавший соблазнительно и порочно, сейчас приобрёл вкрапления ядовитой насмешки. – Стоит тебя чуть-чуть приласкать и ты охотно отдаёшься тому, кого мгновение назад называла грязным. Скажешь я не прав?

Это невообразимо. Как он мог быть настолько безжалостным ко мне? Неужели я заслужила подобное отношение? Невзирая на обидные слова я молчала и не торопилась отвечать, ибо недавнее удовольствие превратило мозги в сахарный сироп, а негодование только начало зарождаться где-то за грудиной и не вошло в полную силу. Мужские ладони тем временем бесстыдно блуждали по телу, и даже сквозь ткань платья я чувствовала их жар. Его пальцы сомкнулись вокруг моей груди, и Гера задышал тяжелее, борясь с собственным возбуждением.

– Чем ты лучше меня Мира, мм? Пришла с одним, а ноги раздвинула передо мной.

Я дёрнулась, чтобы вырваться, но пленённая грудь оказалась сжата крепкими тисками, и мне пришлось выслушать всё, что Гера соизволил сказать.

– Разве из нас двоих только я грязный, малышка?

Он уже покусывал подбородок, подбираясь к моим губам, но после сказанного целовать его – значило снова предавать себя. Я отворачивала лицо в разные стороны, чтобы избежать порабощающей моё сознание и тело ласки.

– Ты как была шлюхой, Мира, так и осталась ею. Жаль, что я не разглядел в тебе этого раньше.

Но я не для того начинала новую жизнь, запрещая себе любить кого должна ненавидеть и приказывая ненавидеть кого продолжала любить.

Отныне мы друг другу никто, даже если мечтали о противоположном. Но получалось иного хотела только я?

– Что ж. Пусть так. Но почему-то на коленях ты ласкаешь шлюху, не вспоминая о той, с кем пришёл сегодня. Надеюсь, девочке повезёт, и твоя нерастроченная страсть после шлюхи осчастливит её прелести тоже. Хм, жаль, что я не разглядела раньше, какой ты оказывается любвеобильный и щедрый, Подольский. Но мне твоя щедрость не подходит, я жадная и эгоистичная.

– Расскажи об этом Загородневу, – зло огрызнулся уязвлённый Бывший.

– Так ему не на что претендовать, я ему щедрот не отсыпала. В отличие от тебя и твоей спутницы.

Когда в следующее мгновение я развернулась в его ставших душными объятиях и открыла дверь, он меня не остановил. Снова жмурясь от яркого света, я выскользнула в коридор. Но напоследок не удержалась:

– Трусика можешь оставить себе, на память.

После чего устремилась прочь. Как можно быстрее. В сторону раздававшегося издали шума, чтобы скорее покинуть мужчину, который по-прежнему искушал, сбивал с верного пути, заставлял трепетать и рядом с которым я теряла саму себя.

Громкий шум из динамиков на время оглушил, стоило очутиться в шумной зале. Но я, склонив голову ниже, избегая встречаться с кем-либо глазами, торопилась к столику, где Пётр должно быть изволновался о причинах моего долгого отсутствия. И едва я заметила выражение его лица, как получила мгновенное подтверждение всем внутренним опасениям.

– Где ты была? – его интонация резанула, но вполне укладывалась в рамки сложившейся ситуации.

– В дамской комнате, – я нервно рассмеялась неизвестно чему.

– Мира, – он выплюнул отрывисто и зло, пресекая мою подступающую истерику на корню.

– Петя, прости, пожалуйста, что задержалась. И если ты переживал, то уверяю – со мной всё хорошо. Но я не хочу обсуждать подробности в присутствии посторонних людей.

Надо признать, что народ за время моего отсутствия разогрелся основательно. Люди хаотично сновали по проходам между столами, присаживались для беседы, нарушив изначальную рассадку гостей. Самые раскрепощённые девушки организовали танцплощадку рядом со сценой, на которой очередной приглашённый певец взахлёб отработывал гонорар. Окружающая суэта, громкие разговоры, хохот, открывающиеся бутылки шампанского – всё казалось нереальным, искажённым, словно я попала в зазеркалье после тёмной кладовой, в которой опрометчиво едва не отдалась Бывшему. Хотя почему не отдалась. Подольский прав, я действительно охотно и жадно поглощала его ласки. Но самое паршивое то, что даже после произнесённых им обидных слов, в искренность которых я самонадеянно отказывалась верить, больше всего на свете я хотела оказаться именно в той подсобке, обнимать и целовать того, кто меня пре-

дал и растоптал. «Фрейд был бы счастлив покопаться в твоих извращённых мозгах», – глупо уколола сама себя.

– Хочешь уехать? – обратился с неожиданным предложением Пётр.

– Ты же вроде собирался с кем-то пообщаться? – Перемены в нём меня удивили. «Потому что в твоей голове, Мира, прочно засел совершенно другой мужик».

– Уже на общался.

Я не стала уточнять каков процент иносказательности в его последнем высказывании.

– Нет нужды уезжать из-за меня. Ты можешь...

– Мира! – резкий окрик потонул в окружающем шуме, но я невольно вздрогнула, и моя пугливая реакция не осталась незамеченной. Пётр сразу смягчил жёсткий взгляд, которым секунду назад пригвоздил меня к стулу, – я спрашиваю чего хочешь ты.

Кивнула утвердительно, не понимая, как разговаривать со взвинченным Загородневым, но тем не менее я не опасалась его настолько, чтобы вызвать такси и самостоятельно вернуться домой.

– Тогда пойдём, – он встал, протягивая руку, и мы ни с кем не прощаясь, покинули гостеприимный праздник.

Автомобилем управлял незнакомый водитель, а я оценила, что Пётр прислушался к моим словам и не сел за руль после выпитого спиртного. В дороге мы не разговаривали, каждый отвернулся в сторону окна. Но стоило машине притормозить у подъезда моего дома, как я услышала:

– Сиди, я помогу.

Он обошёл кругом, чтобы открыть дверь с моей стороны и подать руку.

– Спасибо за вечер, и ещё раз извини, что так вышло, – я решила повторно покаяться за некрасивый инцидент.

– Не в моих правилах напрашиваться, но нам нужно поговорить. Пригласишь на кофе?

Должно быть все мои мысли отразились на вытянувшемся лице, поскольку Пётр сначала насмешливо хмыкнул, затем что-то искал в моём ошарашенном взгляде, но всё равно не выдержал и рассмеялся:

– Мира, я бы спросил, о чём ты подумала, но больше, чем уверен, что соврёшь. Я не отниму у тебя много времени. Чашка кофе – это всего лишь кофе и ничего больше.

– Хорошо, пойдём, – должно быть щёки полыхали ярче зарницы, ибо я физически ощущала жар на лице. Пока поднимались на этаж, я успела изрядно известись от разнообразных догадок и предположений о теме будущей беседы.

– Проходи, – сняв пальто и разувшись первой, направилась на кухню, включая по пути свет.

– У тебя уютно, мне нравится.

– В том нет моих заслуг. Квартира мне досталась с готовым ремонтом и мебелью, – пока Пётр рассаживался за кухонным столом, я насыпала в джезvu ароматный порошок, добавила воды и поставила на газовую плиту. – О чём ты хотел поговорить? – задала вопрос, одновременно вытаскивая чашки из навесного шкафчика, чтобы затем расставить на столе. – Может ты голодный? Могу сделать бутерброд или что-нибудь другое.

– Сядь, Мира.

Загородневскому командному тону было невозможно сопротивляться. Я лишь краем сознания отметила, как мои ноги сами подошли к стулу, а попа уселась на сиденье, чтобы затем отчётливо ощутить обнажённой кожей, отсутствие белья после шалостей с Бывшим. Пётр приподнял уголок губ в едва заметной полуулыбке, видимо выражая довольствие моей покладистостью. А я чуть не провалилась этажом ниже от стыда, изумляясь собственной порочности и распущенности.

– Ты говорила с Подольским?

Мои глаза не должны были выглядеть испуганными, но скорей всего вышло именно так. Загороднев ведь не догадался как именно мы с Бывшим успели пообщаться? Хотя мой расстрепанный и ошалелый вид, а также зацелованные губы скорей всего поведали Петру ещё в ресторане о многом. Думалось, он вполне мог обойтись без моих нелепых отговорок и пояснений, но я ошибалась:

– Отвечай только да или нет, Мира. Мне не нужны подробности.

Я совершенно не понимала, чего ждать от разговора и каковы цели у Загороднева, поэтому молча кивнула.

– Он ничего плохого не сделал? – его прицельный взгляд не отпускал, чётко отслеживая мимику, каждое шевеление мускулов на моём лице.

– Что за ерунда? С чего ты взял, что Гера может что-то сделать? – наконец-то у меня прорезался голос.

– Мира, только да или нет.

– Нет, – мой ответ получился резким.

– Он был груб или невежлив?

Неожиданно я услышала за спиной шипение и обернулась на звук: кофейная пенка перелилась через край и заливала плиту.

– Зараза, – сняв джезву с огня, я разлила жидкость по чашкам, стирая пролитые коричневые капли влажной салфеткой. – Петь. Я не знаю почему ты решил, что Гера может быть опасен для меня, – села обратно на стул и с наигранным спокойствием (почему я отучилась на экономическом факультете, когда следовало брать уроки актёрского мастерства? Глядишь, и развода удалось бы избежать) подняла взгляд. Серые глаза продолжали пристально изучать моё лицо. – Он не сделал ничего плохого, честно.

«Не считая грубых слов. Но в остальном он всё также хорош, как и раньше. Очень хорош. И я не прочь повторить. Несколько раз...»

– Ладно.

Загороднев вроде согласился и даже будто успокоился, но тем не менее складывалось ощущение, что он мне ни на грамм не поверил.

– Ты поэтому решил рано уехать?

– Вкусный кофе, спасибо, – неожиданная похвала мягким голосом разрядила напряжение, витавшее вокруг нас и в самом воздухе с нашего возвращения. – Не совсем. Пока ждал, успел перекинуться парой фраз кое с кем, но вместо разговоров постоянно выглядывал тебя среди толпы, гадая, где ты и всё ли с тобой в порядке. Поэтому выстроить нужных бесед не получилось.

– Извини. Я не собиралась портить тебе вечер. И с Подольским некрасиво вышло.

– Не нужно извинений, Мира... Я его даже в чём-то понимаю.

– Ты про что? – страх разоблачения окатил новой волной. «Какого разоблачения, дурочка? Ты никому ничего не должна!»

– Не будем об этом, – Пётр неожиданно отказался от дальнейших обсуждений, – Ещё раз спасибо за кофе, мне пора, – резко поднявшись, он практически за секунду покинул кухню.

Я растерялась, но, быстро взяв себя в руки, последовала за ним. После того как он обул начищенные до блеска туфли, Пётр выпрямился в полный рост, чтобы снова встретиться с моими глазами в тревожащей близости. Тяжёлый немигающий взгляд медленно спустился к губам. И, как назло, мой непослушный рот распахнулся. Его откровенный смешок на мою реакцию заставил губы плотно сомкнуться обратно, но я тут же начала нервно покусывать нижнюю.

– Не делай так.

– Как?

– У тебя на губе отметины от зубов, – на его фразу я вспыхнула не зарницей, я воспы- лала многоэтажным стыдливым кострищем, понимая кто именно оставил следы на моих губах! Догадывался ли Пётр? – Не причиняй себе новую боль, чтобы облегчить прежнюю.

Что? Ох... От сердца отлегло, стоило мне понять, что он говорил не о моих поцелуях с бывшим. Или всё-таки о них?

– Знаю, устала себя одёргивать, но не получается.

– Хочешь покажу, как надо? – я окончательно растерялась, утрачивая смысл фраз. О чём или о ком мы говорили? Низкий обольстительный голос ввёл в заблуждение, и я не успела толком ничего понять, как в следующую секунду осознала себя в мужских объятиях и само- забвенно целующуюся с Петром Загородневым.

«Мира-Мира! Что же ты творишь...»

После агрессивных ласк Подольского, губы Петра дарили успокаивающую нежность. Он всего второй раз целовал меня, но по-прежнему был деликатен и вместе с тем завораживающе попителен. Напоследок он тщательно обласкал мои ранки, столь трепетно и осторожно, что требование прекратить прозвучало бы святотатством.

– Мне лучше уйти прямо сейчас, пока я не нарушил своё слово.

– Какое слово... – Я окончательно потерялась в чувственности и томлении. Мужской тихий смех звучал колокольчиками в ушах.

– Мирушка, ты восхитительна. Но я пойду. Закрой за мной.

Заперев дверь, я облокотилась спиной на неё же и мне понадобилось долгих пять минут, а может много больше на постижение смысла того, что я натворила и какими могли быть послед- ствия. «Ох Мира, или бери гормоны под контроль, или случится непоправимое». Но разбор свершившегося факта, что я в недавнем прошлом верная и любящая жена, знавшая только одного мужчину, за один вечер умудрилась поцеловаться с двумя, вгонял в ступор. Как такое возможно?! Тем более один из мужчин мой Бывший, с которым меня категорически ничего не должно больше связывать и подаривший мне гораздо больше, чем невинный поцелуй. «Что- то грядёт», – вывод напрашивался сам собой.

Глава 9

Через несколько дней после сумасбродного вечера Пётр огорошил меня новостями. Я, недавно приняв душ и позавтракав, как раз одевалась в спальне, чтобы съездить в детский дом, когда раздался телефонный звонок.

– Добрый день, Петя.

– Здравствуй, Мира. Через час я за тобой заеду. Хочу познакомить тебя с одним человеком, которого заинтересовал Центр. Будь готова отвечать на вопросы по проекту.

– Это правда?! – заорала в трубку визгливым голосом, шалея от счастья. – Петь, это правда? Кто-то заинтересовался?

Он посмеивался надо мной, но терпеливо переждал, пока я кричала от счастья и прыгала вокруг своей оси будто несдержанная девочка-подросток, получившая незаконную, но подаренную родителями, возможность прогулять школьные уроки.

– Надеюсь ты не будешь вести себя также с возможными спонсорами?

– Что? Естественно, не буду!

– Тогда у тебя час, чтобы выплеснуть все эмоции и собраться. От твоего сегодняшнего разговора будет зависеть очень многое, если не сказать всё, Мира.

Новый крик застрял в горле так и не вырвавшись наружу. Даже желание вопить моментально исчезло.

– Вот и умница, скоро увидимся, не прощаюсь, – телефон замолчал. А я подумала, что озвученная похвала уж больно смахивала на отеческую.

Через два часа или чуть больше я и Пётр приехали в загородный клуб, где нас должен был ожидать некий господин Антипов, который, как поведал Загороднев, приходился двоюродным братом Инессе Вениаминовне, недавней имениннице. Хоть тысяча или десять тысяч лет пройдёт, человечество не изменится – деньги женятся или выходят замуж исключительно за деньги либо за власть.

– Мира, ты любишь лошадей? – задал странный вопрос Пётр, пока мы ожидали на ресепшене сопровождающего.

– Я наверно всех животных люблю.

– Можем как-нибудь приехать сюда на выходные, здесь отличная конюшня.

Что-то идея останавливаться в одном гостиничном номере с мужчиной, отношения с которым я не торопилась переводить в горизонтальные, не казалась мне такой уж вдохновлённой. Избежать неловкости удалось, благодаря своевременному появлению опрятного молодого человека в униформе, предложившего следовать за ним. Через несколько помещений и коридоров мы оказались на заднем дворе с великолепной верандой под широким навесом, надёжно укрывающим от непогоды. Аккуратные столы на четыре или шесть персон накрыты накрахмаленными скатертями, на стульях и креслах мягкие подушки. Я отметила, что заведение не скупилось на безделушки, вроде свежесрезанных букетиков цветов на каждом столе, учитывая несезон цветения и холодную погоду, но служащих уютному и комфортному времяпрепровождению узкому кругу гостей, конечно же обладающему крепкой финансовой платёжеспособностью. Видимо посетители сего заведения расплачивались исключительно платиновыми банковскими картами, не скупясь на ежегодные взносы и не считая количество чаевых.

– Антон Андреевич, приветствую.

– Здравствуй, Петечка, – мужчины обменялись рукопожатиями, – садись сам, но прежде усади свою красавицу.

Уточнять, что я может и красавица, но уж точно не являлась ничьей собственностью, посчитала лишним. «Мой язык – мой враг», – повторяла про себя как мантру.

– Антон Андреевич, позволь представить – эта красавица и есть Мира Андреевна, о которой мы с тобой говорили.

– Очень приятно познакомится. У нас с вами, Мирочка, уже проявилась одна общая черта, – показательная пауза, чтобы продемонстрировать окружающим свою важность, – мы с вами оба Андреевичи, а значит должны быстро найти общий язык.

Я с трудом удержалась, чтобы не закатить глаза. Однако заплывший, масляный, но цепкий взгляд, сидящего за столом мужчины, сканировал меня и держал в напряжении. Я демонстративно не отводила свой, терпеливо дожидаясь окончания «осмотра», но не скрывая собственной ехидной ухмылки (я не виновата, оно само). Хотелось, чтобы Андреевич сразу понял: каким бы внушительным ни был его банковский счёт, смотреть ему дозволялось только мне в лицо.

Здесь необходимо уточнение, что Антон Андреевич мужчина в годах, грузный, изрядно заплывший, давно потерявший чёткие очертания тела; его некогда голубые глаза покрылись мутной пеленой. Хотя он не выглядел совсем уж старым, я бы предположила его возраст около шестидесятилетней отметки. Однако неряшливый внешний вид указывал, что здоровье уже не то, лишний вес опять же. Господин Антипов, что очевидно, предпочитал сидячий, малоподвижный образ жизни. Но сегодня он мой личный экзаменатор, потому мне должно быть без разницы кто передо мной. Лишь бы согласился спонсировать наш важный, однако не лишённый доли авантюризма проект.

Господин Антипов отдыхал не один. Второй мужчина, вскочивший на ноги при нашем появлении, выглядел гораздо моложе, но приятности ему этот факт не прибавлял. Он мне показался чем-то схожим с Прохором – другом Бывшего – с которым у меня так и не сложилось не то, что дружбы, даже приятельских отношений.

К слову, погода сегодня стояла по-весеннему тёплая. Небо окрасилось глубокой синевой и по цвету больше напоминало море. Солнечные лучи прогревали так, что хотелось снять пальто, но ровно до той минуты, пока холодный ветер не пробирался под одежки и не заставлял кожу покрываться ледяными мурашками, тем самым намекая, что скидывать верхний слой утепления, к сожалению, рановато. К выбору одежды я отнеслась по занудному тщательно, и сейчас, видя с кем предстоит разговаривать, похвалила себя лишний раз. Бежевый брючный костюм строгого покроя, с простой белоснежной сорочкой под низ, застёгнутой на все пуговицы кроме одной под горлом, должен был продемонстрировать мою серьёзность; волосы стянуты резинкой в низкий хвост, в завершении едва заметный, естественный макияж.

И четыре глаза новых знакомых, противно бегающих по мне, лишний раз, подтвердили, что явись я с глубоким раскрытым декольте, то со мной вряд ли стали разговаривать на тему благотворительности. Скорее мы бы обсуждали фривольный досуг, до которого данный тип мужчин весьма охоч. Хотя, Антон, который также как и я Андреевич, уже скорей всего предаётся воспоминаниям, чем самостоятельно принимает участие в развратных забавах.

– Здравствуй, Пётр Аркадьевич. Присаживайтесь, Мира Андреевна.

Неприятный мужик, похожий на Прохора, своим заискиванием вызывал во мне ещё бóльшую неприязнь, но через усилие я сдержанно поблагодарила за отодвинутый лично для меня стул. Я оказалась сидящей напротив Антона Андреевича, и намеревалась смотреть исключительно на него, чтобы как можно реже пересекаться с липким взглядом второго субъекта. И вот этого типа с бегающими карими глазками за квадратными металлическими дужками очков, с тонкими каштановыми волосами, которые были тщательно уложены, даже слишком тщательно, учитывая, что укладывать особо нечего, Пётр представил сам:

– Мира, познакомься, Станислав Александрович, личный помощник Антона Андреевича.

– Для вас, Мира Андреевна, можно просто Станислав, – с произнесёнными спокойным голосом словами, мужчина также сдержанно улыбнулся, но я не собиралась отвечать тем же,

ограничившись кивком. Тем не менее я обратила дополнительное внимание, на его дорогой костюм и пальто, небрежно накинутое на плечи, которые кричали о том, что он привык к роскошной жизни и не ограничивал себя любимого в житейских мелочах.

Мы сделали заказ подошедшему официанту. Обедать я отказалась, потому как время завтрака хоть и прошло, но подобравшаяся компания не вызвала во мне аппетита. Скорее наоборот, всячески его угнетала. К тому же мне предстояла защита, я бы лягнула диплома, но сегодня, пожалуй, мне предстояло выдержать кое-что посерьёзнее. Поэтому мой выбор и, как ни странно, Пётр меня продублировал, пал исключительно на кофе. Тогда как вокруг Антона Андреевича пространство на столе оказалось полностью заставлено тарелками. Закуски, салаты, фаршированные блины, многочисленные мясные блюда. Судя по его габаритам, он с утра до вечера занимался именно тем, что поглощал еду.

– Стасик изучил ваш проект, Мира Андреевна. И должен признать, он меня заинтересовал, – я перевала ошалелый взгляд с обзриваемой мною кулинарной вакханалии на, собственно, того, от кого зависела судьба важного для меня дела. – В конце концов, о чем ещё думать на закате лет, как не о младшем поколении, которое рано или поздно заменит нас по всем фронтам.

– Тебе рано рассуждать о закате лет, мой друг.

– Петюня, тебе может и рано, а мне в самый раз. Но мы отклонились от темы. Вы Мира, если позволите так вас называть, проделали большую работу. Но многие вопросы упущены. Как я предполагаю из-за нехватки знаний в специфических профессиональных областях и отсутствия нужных специалистов, которые эти пробелы смогли бы устранить.

Я кивнула, но Антон Андреевич, вряд ли нуждался в моём подтверждении очевидного.

– Человеческий ресурс на время я предоставляю, чтобы проработать все детали. Но вот на что следует обратить особое внимание, Мира, так это способы дохода.

Само собой разумеется, что доходность самая важная часть любого проекта, а наша весьма нестабильна. Я об этом знала с самого начала и догадывалась, что именно низкая рентабельность (за чертой убыточности, чего уж скрывать) станет камнем преткновения между нашим проектом и возможными спонсорами. Но нащупать коммерческую жилку, позволившую бы не зависеть исключительно от пожертвований, я пока не смогла.

– У меня появились новые мысли по этому поводу, но, честно говоря, мне не с кем было их обсудить, поэтому они пока остаются голой идеей.

– Главное, что эти мысли у вас есть, Мира, – неожиданно резко возразил Антипов, откусывая внушительный кусок блинчика с мясом. Держал он его руками, игнорируя столовые приборы.

– Вы не возражаете, что я так, по-простецки в обществе прелестной дамы. К старости, знаете ли, весь этот не нужный пафос всё чаще напрягает.

– Нисколько, – приветливо улыбнулась в ответ, радуясь тому обстоятельству, что отказалась от обеда. Чужие толстые испачканные жиром пальцы вызвали тошноту, а не желание присоединиться к поеданию блинов.

– Ты всегда можешь посоветоваться со мной, – негромко подсказал Пётр то, до чего я сама не додумалась. Или же предпочла не навязываться лишней раз.

– У Стасика есть некоторые соображения на этот счёт, вам будет полезно обсудить с ним вопросы коммерции.

Перспектива общения со Стасиком не впечатляла, но балом правила не я, приходилось мириться с тем, что было и брать что давали, точнее кого давали.

– Вы мне вот что скажите, Мира. Как вы оказались во всём этом?

Он описал в воздухе круги перепачканными пальцами, а я чудом удержалась от гримасы:

– На самом деле, проект не моё детище, – запнулась, подбирая слова, – не совсем так, он безусловно моё детище, но скорее усыновлённое, – про себя поразила возникшему экспром-

том сравнении, – родительницы проекта две молодые девушки-студентки, которые поделились со мной набросками, а после мы вместе с привлечением друзей разработали то, что предоставили вам для ознакомления. И так само собой сложилось, что у меня одной достаточно свободного времени, а также желания и сил заниматься инициативой основательно и серьёзно.

– Что ж, похвально. Но вы понимаете, что то, чем вы занимались до сегодняшнего дня, по сути, детский сад.

Глава 10

– Надеюсь, вы понимаете, что вся ваша предыдущая работа не стоит выеденного яйца, – господин Антипов меня не щадил.

Я непроизвольно дёрнулась, уязвлённая, но под столом мужская рука вдруг сдвинула ногу чуть выше колена, призывая не пороть горячку раньше времени. Видимо Пётр успел меня изучить, что за маской спокойствия я бывала весьма несдержанна в сиюминутных порывах, примерно в таких, как сейчас.

– Что вы имеете в виду, Антон Андреевич? – моему показному хладнокровию можно позавидовать. Рука исчезла..., жаль.

– Если я дам согласие, то кому-то придётся пожертвовать всем свободным временем и личной жизнью; забыть о мечтах и планах. Потому что мне нужен человек, с которого я спрошу за каждую потраченную копейку. И я не допущу, чтобы те средства, которые заработаны моими потом и кровью, и вот этими руками... – Трясти жирными ладонями над столом было лишним. Я понадеялась, что мой завтрак успел покинуть желудок, продвинувшись дальше по пищеварительной цепочке. – Пускались по ветру, либо оседали в чьих-то грязных карманах. А уж если кто-то будет уличён в растрате или даже халатности, то вам, милая девушка, лучше не знать, что может произойти с тем человеком. Но то, что ему никто не позавидует, очевидно также, как день.

Я с трудом удержалась от того, чтобы второй раз не закатить глаза. Андреевич, я собиралась помогать детям, а не воровать! Только мужики могли додуматься до того, что у кого-то хватит наглости отбирать кусок у сирот, особенно сирот с инвалидностью. Хотя может я чего-то не знала или не понимала, или, что совсем нехорошо, не хотела знать... Но мне казалось, любая женщина, обладавшая материнским инстинктом, к которому мы предрасположены генетически, не решилась пойти на преступление, ибо даже мысли виделись кощунством.

– Последняя информация не к месту, Антон Андреевич, ты куда-то не в ту степь забрёл.

– Если Мира девушка умная, а ты охарактеризовал её именно такой, Петечка, то никакая информация для неё не будет лишней.

Так и просилось с языка: «Брейк, дядечки. Я в состоянии говорить сама за себя».

– Я уверен, что она прекрасно понимает куда ввязывается и отдаёт себе отчёт. Давай лучше по существу. Есть ли какие-то вопросы, которые требуют немедленного уточнения и на которые может ответить только Мира?

– Ой, Петь, ну какие вопросы? – Антипов поморщился и скривился в пренебрежительной гримасе, – вопросов только два: сколько эта авантюра стоит и сколько я готов выбросить на ветер.

– Не только ты. Я тоже войду в долю, как и Вазганян.

– Ну и что? Что там твой Вазганян? – Антон Андреевич неожиданно повысил голос. – Что он может твой Вазганян?! А ни черта он не может, Петюня. Так-то. Сегодня есть, завтра нет. Вот кто твой Вазганян.

– Ну, будет-будет. Не кипятись. Во-первых, он не мой, у него жена есть для этого. А во-вторых, если человек хочет потратить деньги, то зачем я стану возражать?

– Да ну тебя. Делайте что хотите, – у Андреевича буквально на глазах испортилось настроение после упоминания некоего Вазганяна, которого я знать не знала. И я даже мысленно успела поругать Петра, зачем он вообще того упомянул, если наш главный спонсор неадекватно реагирует при малейшем упоминании фамилии.

– Значит к Мире вопросов нет?

– От твоей Миров требуется только одно: вкалывать и не воровать, и зорко следить за тем, чтобы вкалывали и не воровали все остальные. Прочие вопросы порешаем сами, они не

для женских ушей, – он кивнул своему помощнику и тот достал из кармана пиджака визитку, протянув мне со словами:

– Здесь мои координаты, Мира Андреевна, можете звонить в любое время, я всегда на связи.

– Да, все вопросы, которые у вас возникнут ко мне, будете решать с моим помощником. В случае острой необходимости он всегда знает как со мной связаться. Но Стасик уполномочен на всё. Имейте это ввиду.

«Андреевич, я уже столько поимела ввиду, начиная с твоих “вопросов не для женских ушей”, что даже не знаю, как реагировать на подобное отношение». Неужели все мужчины, владеющие огромными капиталами, беспардонны и дурно воспитаны? Или же дело не в накопленных деньгах, а в солидном возрасте или плохом настроении по причине неважного самочувствия, опять-таки связанного с возрастом. Хорошо, что мои сумбурные мысли прервал Загороднев.

– Тогда мы поедем. Ты нынче далеко забрался, а нам ещё обратно в город добираться.

– Эх, молодёжь, всё торопитесь куда-то, торопитесь.

– Не серчай Антон Андреич, ещё увидимся.

Я вежливо попрощалась с обоими, но мне ответил только Станислав. Господин Антипов предпочёл набить рот едой, увлечённо жевал и усиленно делал вид, что меня более не существовало. Что ж напрашиваться не в моих правилах, я пожала плечами и пошла на выход, мечтая оказаться как можно дальше от неприятного мужика, точнее даже двух. Помощник ничем не лучше своего хозяина.

– Не обижайся на Антона, Мира. У богатых свои причуды, а если богатые в возрасте...

– То количество причуд зашкаливает, – закончила я за Петра. Мы ехали в машине в сторону города, и я приоткрыла окно, чтобы поток свежего воздуха выдул из головы неприятные воспоминания об Андреевиче.

– Совершенно, верно.

– Ты как-то намекал, что тоже в возрасте. И делал это много-много раз. Кстати, должна заметить, что намёки больше походили на прямое указание. Стоит ли мне опасаться и твоих возможных причуд?

– Мира! Ты меня только что сравнила с Антоном?! – возмущению, пусть и наигранному, со стороны Петра не было предела.

– А что сразу Мира? Может ты наконец перестанешь напрашиваться на комплименты, прикрываясь своим, кстати, совершенно несолидным возрастом.

– Туше, девочка. Таким дураком я себя давно не чувствовал, – на моё счастье, Пётр не обиделся и продолжал вести машину как ни в чём не бывало. Я подглядывала за ним в пол-оборота головы. Странно, но он даже улыбался, видимо его настроение несколько не подпортилось недавней встречей.

– Только не обижайся, но я не могу не спросить, – в ответ на моё вступление Пётр окинул меня коротким любопытным взглядом и вернул внимание на дорогу, его молчание я расценила за согласие, – тебя не передёргивает, когда Антипов называет тебя то Петюней, то Петечкой? Постороннему человеку немного режет слух.

– Это называется – разница поколений, Мира. – Менторский тон Загороднева вызывал неприятие. – Доживёшь до солидного возраста, посмотрим, как сама будешь именовать молодёжь, – он хохотнул, я уверилась, что надо мной, но решила не обижаться.

– То есть тебя это не напрягает?

– Нисколько. Но должен заметить, что всё-таки не каждому позволено так меня называть. – Последнее уточнение внесло гораздо больше ясности, чем пространные рассуждения о пропасти между поколениями.

– А почему ты не предупредил, что тоже инвестор?

– Зачем? Рано или поздно ты бы всё равно узнала.

– Я даже не подозревала, что ты финансово столь, хм, обеспечен.

– Просто ты никогда не интересовалась мной, – прозвучало обвинительно. – Знаешь, я тут подумал... А ведь действительно, ты занимаешься всем исключительно на добровольных началах. Извини, если лезу не в своё дело, но после развода у тебя есть средства к существованию?

Не веря своим ушам, я повернулась к Петру. Мне вполне хватало личных угрызений совести, что я не нашла работу и до сих пор жила на деньги, перечисленные бывшим мужем. Я понимала, через что мне пришлось пройти, требовало с его стороны некой компенсации. Но вместе с тем, в любом случае чувствовала себя не в своей тарелке, словно мной попользовались за деньги и выкинули, когда надоела. Тот факт, что я ушла сама, не добавлял желаемого оптимизма.

– Ты прав, это не твоё дело. Но скажу, чтобы упредить возможные муки совести с твоей стороны, мне есть на что жить. И до круговерти с детским центром, я, между прочим, усиленно искала работу.

– И как успехи?

– Какие?

– С поиском работы.

Я печально вздохнула, подавляя смущение, тем не менее призналась правдиво:

– Как-то не радужно.

– А что так? В чём основная причина отказа?

В странное русло завернула наша беседа, но я не видела возможности увильнуть от ответов. В некотором роде Пётр – один из моих будущих работодателей... м-да, повороты судьбы редко поддавались предсказаниям.

– Отсутствие опыта, конечно. Плюс перерыв после завершения учёбы. А то, что предлагают сами работодатели, не подходит уже мне. Может и высокомерно с моей стороны, но я решила, что работать за низкую зарплату для меня экономически не целесообразно. Простое сведение дебета с кредитом показало – половину средств сожрёт оплата коммунальных счетов за квартиру, остальную половину – расходы на транспорт до рабочего места. Плюсом я обязана безвылазно торчать в офисе пять дней кряду и восемь долгих часов выслушивать чьи-то нравоучения и потакать капризам. В общем и целом – удовольствие сомнительное. Поэтому я занялась вплотную проектом, тем более мне действительно интересно, и я очень хочу, чтобы задуманное осуществилось.

Пётр ничего не ответил на моё выступление и о чём-то сосредоточенно раздумывал до конца пути.

– На выходные не планируй, пожалуйста, ничего, – предупредил он меня, стоило автомобилю притормозить рядом с моим подъездом.

– А что ожидается в выходные?

– Нужно собраться и обсудить кое-какие вопросы по-нашему, теперь общему делу, – он тепло улыбнулся и провёл костяшками пальцев по моей щеке.

– Хорошо, как скажешь, – я тоже улыбнулась ему в ответ, прежде чем попрощаться.

Глава 11

*Но разве я к тебе вернуться смею?
Под бледным небом родины моей
Я только петь и вспоминать умею,
А ты меня и вспоминать не смей.
Так дни идут, печали умножая.
Как за тебя мне Господа молить?
Ты угадал: моя любовь такая,
Что даже ты не смог её убить.
А. Ахматова, 1917
Отрывок А ты теперь тяжёлый и унылый*

– Не знаю, о чём ты думаешь, Мирка, – возмущалась подруга, сидя в пятницу вечером у меня в гостиной и вертя в руках бокал с белым вином.

Она по-хозяйски развалилась на диване, для удобства подложив под спину подушки. Я поймала себя на том, что уже несколько раз подходила к панорамному окну в эркерной зоне и сквозь тонкий тюль разглядывала, что происходило во дворе подсвеченным уличными фонарями. Разговор подруга затеяла не из приятных, и дабы стойко ей противостоять понадобится выдающееся терпение. А с недавних пор моя выдержка слишком часто подвергалась испытаниям, чтобы я успела пополнить растраченное. И тему для разговора она выбрала слишком остроу... личную. В которой я сама по сей день не разобралась.

Особо не скрываясь за тонкой вуалью тюля, я наблюдала за тем, как на последнее свободное парковочное место въехал автомобиль. Из машины вышел мужчина. Он вытащил из багажника объёмные пакеты – я предположила, что из супермаркета – а после заперев авто одним нажатием кнопки, скрылся в подъезде. Он заметно торопился. Пятница, вечер, в окружении домашнего уюта его ждали жена и, возможно, сын. Домочадцы не садились ужинать, без главы семьи. Только собравшись вместе, они рассаживались за одним столом и преломляли хлеб. Когда-то в ожидании Геры с работы я частенько представляла, что точно также с нашим сыном или дочерью, или обоими сразу мы будем радоваться его возвращению. Едва захлопнется входная дверь, я прижмусь к мужу, окружённому пёстрыми запахами офисного кабинета вперемешку с уличными; обниму, стискивая в крепких объятиях, ведь с утра, когда мы простились, прошло слишком много времени. Наши дети скачут вокруг, требуя внимания к себе. А после, взявшись за руки, мы дружно пройдем в столовую, где стол накрыт к ужину. Тётя Маша вернётся с миской салата, нарезанного в последнюю минуту. И тогда, позвякивая столовыми приборами, мы разделим улыбки, события, впечатления, произошедшие с каждым из нас за истёкший день. Но я больше не жила в особняке. Первая слезинка капнула на руку, до судорог стискивающую ножку бокала. У меня больше нет мужа. Губы плотно сжались, но этого недостаточно, тогда зубы впились в нижнюю. Ребёнка тоже нет. Вторая слезинка оставила после себя едва заметный след на щеке, и я резко отвернулась от окна. Прочь воспоминания, мечты, надежды, сожаления. Прочь потери, одиночество, разочарования. Всё прочь.

– Марин, не начинай.

– А я хочу и буду начинать! – Её запальчивый темперамент не потушить одним загаданным мною желанием. – Вокруг тебя шикарный мужик разве что выюном не вьётся. И так, и этак, всё подходы ищет. Воспитан, сдержан, учтив, как выяснилось богат. Что тебе, дуре, не хватает?!

– Полгода не прошло как я в разводе, а ты удивляешься почему я не горю желанием вступить в отношения? Странная ты порой.

– Не странней тебя. Вот что ты мне говорила, когда я залечивала синяки и переломы после Самохина, а? Помнишь?

Ещё бы не помнить. Примерно тоже самое, что, предвижу, Маринка вывалит на меня прямо сейчас.

– Ага! По глазам вижу, что вспомнила! То-то же. Вот и повторяй самой себе, как можно чаще, глядишь в мозгах прояснится. А то совсем уж помешалась на Подольском.

– Да при чём тут Подольский? Я и не думаю о нём вовсе, – возмутилась с положенным ситуации пылом. Но искренне или нет, подруге знать не обязательно.

– Мне можешь врать сколько угодно. Себе-то хотя бы не ври. И что мы, бабы, за идиотки такие. У нас в геноме как будто формула записана – бьёт значит любит.

– Марин!

– А я знаю, что тебе больно. И бью туда, где больно. Потому как пока ты не вытравишь всю заразу из себя, то тебе до самой смерти будет больно. Неужели хочешь прожить всю жизнь, считая себя неполноценной и никчёмной женщиной?

– Да уймись, ты. Я в здравом уме. Предложи Подольский сойтись снова, то ни за что не соглашусь. Но и в новые отношения вступать для меня слишком рано, – тут я не слукавила. Разве только причина крылась в ином.

– Мужиков боишься, да? – тихий неуверенный голос подруги долбанул по ушам громче, чем все предыдущие крики и возмущения. Она знала о чём говорила, как никто другой. И теперь мы обе во власти именно этого – страха повторения. Что отношения с новым мужчиной кажущиеся прекрасными и безоблачными вдруг повернутся в противоположную сторону и начнут развитие по изведенному сценарию. Повторения не хотелось. То, что довелось пережить мне – цветочки; Гера лишь раз избил меня, когда брал силой. А то, что пережила подруга... Самохин делал с ней жуткие вещи, страшные. Ни одна женщина, какие проступки бы ни совершила, не заслуживала подобное.

Мы все знаем, что мир неидеален. Мы ходим по улицам, смотрим новостную ленту, крутимся в социуме. И ежедневно на подсознательном уровне так или иначе готовим себя к плохому. Мы знаем, что беда может случиться с любым из нас. Каждый прожитый день вокруг себя мы замечаем несправедливость, бесчеловечность, узнаём, что где-то разбился самолёт, кто-то открыл стрельбу, бывает, что слышишь в новостях – ветерана Великой Отечественной алкаши зарубили ради наградных орденов и медалей, которые обменяли на пол-литра. Ужас повсюду. Он вокруг нас. И кажется давно внутри нас.

Меж тем сколько ни готовься к бесчинству, трагедиям и бедствиям, они берут за правило обрушиваться на тебя, подобно девятому валу на морские рыбацьи суда. Остаётся закрепить себя канатом к кораблю и молиться, заглядывая в глаза смерти. Потому что когда зло по отношению к тебе совершает не судьба или рок, стечение обстоятельств или просто «настал черёд», а когда его вершит тот, кому ты доверилась, кого впустила в свой маленький секретный мир, кому дозволила взять в руки уязвимое, хрупкое, трепыхающееся сердечко, тот кто обязан не потворствовать злу, а всеми силами и способами уберегать от него, творить невозможное, но защитить любой ценой, возможно ценою собственной шкуры, а порою даже жизни. Но где-то что-то ломается, и тот, кто клялся в любви, преданности, обещал вечность на двоих, зажигал ваши личные звёзды, рисуя только вам известные созвездия на небосклоне, неожиданно становится тем, кто гасит их. Уничтожает то, в чём создании сам же принимал участие. Без капли раскаяния. Рушит. Губит. Не оборачиваясь, не сожалея.

Он не видит за своим гневом ни твоих кровавых слёз, ни тем, что ты, калеча пальцы острыми краями, пытаешься собрать воедино разбитые осколки души, ему давно плевать. Пока он гомерически хохочет, вытаптывая все самые светлые, лучистые воспоминания, ты, следуя за ним по пятам, фанатично силишься их спасти. Жаль, но все твои старания тщетны.

То, что создавали двое и предначертано служить двоим – никогда не выживет в одиночку.

Тяжелее всего признать: воспоминания мертвы и это навсегда. Мы держимся за них ожесточеннее, чем утопающий за спасательный круг; думаю, что также яростно, как медведица сражается за своего медвежонка. Мы готовы загрызть любого, кто посягает на них, даже если речь идёт о нас самих. Но те воспоминания – тлен. Их больше нет. Они остаются в прошлом, в которое никто не сможет вдохнуть жизнь. А если попытаться, что ж...

Созданное когда-то двумя – оживить возможно только двумя. Их обоюдными чувствами, искренним желанием, верой, поступками, служением друг другу. Когда один умерщвляет, второму не под силу воскресить.

Марина в своё время прошла все круги ада. Любила, защищала того, кто был недостойн её чувств, кто подлежал самой жестокой каре за свои злодеяния. По мне нет ничего страшнее незаслуженно обидеть беззащитного. Ни одному человеку не придёт в голову бросить камень в ребёнка. Но слишком многие считают себя вправе забрасывать камнями женщин, пожилых людей или тех, кто заметно отличается от большинства.

Маринкиного парня звали Глеб Самохин. Хотя почему звали, он, вероятно, здравствует где-нибудь поныне. Но для нас с ней, особенно для неё, конечно, – главное, что обитает он не в нашем городе. А по мне, если бы сгинул окончательно, мы бы с ней плакать не стали, напротив, вздохнули бы с облегчением, и каюсь, с мстительной долей злорадства. Убила бы гада собственными руками, если общество не ввело запрет на самосуд.

Испуганное выражение лица, наглухо застёгнутые рубашки, платья с длинным рукавом посреди лета. Взгляд прятался за солнцезащитными очками, либо умело отводился в сторону, чудной выбор одежды объяснялся веяниями моды. Никогда не прощу себя, что не разглядела, не распознала, не насторожилась, когда всё вокруг кричало, вопило о трагедии.

Надо же... подруга всегда столь яростно защищала своего избранника, одобряя его позицию без оговорок, у меня и в мыслях ни разу не промелькнуло, через что ей довелось проходить на самом деле. Они ведь собирались пожениться, назначили дату свадьбы, и мы с ней увлечённо подыскивали по каталогам свадебное платье. До примерки дело никак не доходило, мешало то одно, то другое и только значительно позже я поняла почему. Ссадины и синяки не удалось бы скрыть в примерочной. К прискорбному сожалению, догадаться я не успела...

Маринка попала в больницу с обширным внутренним кровотечением, сотрясением головного мозга, разрывом селезёнки, трещинами в рёбрах, половина лица – месиво, глаз чудом не пострадал, перелом руки в двух местах. Про повсеместные, обширные ушибы и гематомы говорить без надобности. Она несколько месяцев была чёрно-фиолетового цвета. Зато после больницы разговоры о Глебе стихли, будто его и не было никогда. Подруга решительно стёрла его не только из жизни, но из воспоминаний. Однажды мы крупно повздорили, когда я поняла, что заявлять на паскудную мразь она не собиралась. Никакие крики, уговоры, стенания с заламыванием рук с моей стороны не помогали. Марина выкупила решение ценой собственного здоровья.

Я знала, что однажды он приходил к ней в больницу. Должно быть подонок специально подгадал момент, когда я отлучилась. Но подруга наотрез отказалась поведать детали их разговора. После той встречи она сделала свой выбор, Самохин, судя по всему, был с ним полностью согласен – его больше никто не видел в нашем городе. Помню, единственный раз в жизни просила Геру найти подонка и воздать по заслугам. И меня не пугало возможное негодование и недовольство Марины. Ибо при одной мысли меня трясло и колотило так, что попадись он мне на глаза, то от нанесения тяжких телесных его бы никто не защитил. Настолько велики были ярость, запертая в клетке обстоятельств, и раздирающая нутро боль, от осознания собственного бессилия, и проедавшего меня насквозь чувства вины. Я достоверно не знала нашёл его Подольский или нет. Но однажды муж заверил, что Глеб Самохин никогда не появится в нашем городе и не потревожит покой Марины, а значит и мой. Гере я верила больше, чем себе, и поглощённая ежедневными заботами о подруге, постепенно отпустила ситуацию.

Именно после случившегося с ней несчастья, как положено, погоревав о своей девичей наивности, Марина изменилась кардинально. Отныне она предпочитала первой использовать мужиков, преследуя единственную цель: «Регулярная половая жизнь полезна для здоровья, женского в первую очередь». Ни для чего большего, по её мнению, мужчины не годились. Мой в ту пору казавшийся счастливым брак она называла исключением из всех возможных правил. Но я частенько замечала её тревожный взгляд в сторону Подольского. Личные страхи всегда перевешивали. Поэтому новость о том, что Гера позволил себе совершить в отношении меня, ударила не только по мне, но по ней тоже. А я беспокоилась об их зарождающихся отношениях с Савелием. Ведь если тот поступит, как наигравшийся, пресыщенный женским вниманием кобель, то собирать Марину придётся по кускам, а что из склеенного получится в итоге, заранее никому неизвестно.

Глава 12

Я вспомнила, что задолжала Маринке ответ:

- Возможно. Скорей всего да, боюсь.
- Я тоже.
- Знаю.
- Но не хочу позволять страху решать за меня.
- И ты права.
- А между тем, Пётр всё же неплохой мужик.
- Он тебе нравится больше Подольского?
- Намного больше.

А вот это сюрприз для меня, раньше у Марины никогда не было стычек с Герой. Они как-то сразу приняли друг друга, точнее смирились с присутствием в моей жизни подруги и возлюбленного. Тем поразительнее было слушать откровения.

- Вот ты меня удивила. Почему раньше не сознавалась?
- Да потому что ты больная своим Подольским, как и я Самохиным когда-то.
- Марин, только прошу, не равняй уроды с Герой. Самохин – больной психопат. Таких, как он, нужно изолировать от общества, а лучше сразу на виселицу, чего зря землю топтать, в крайнем случае – на рудники, чтоб хоть какая польза обществу перепала.

– А Гера – значит пай-мальчик?

Я подошла к столу, чтобы прихватить початую бутылку вина, и обновила наши бокалы. Незапланированно вечер перестал быть томным, штормило нас обеих.

- Разумеется, нет. Но и на психа он не тянет.
- Откуда тебе знать, подруга, что в его голове? Может он давно выкопал яму метр на два в углу заднего двора особняка под одной из сосен. И уточняю специально для непонятливых – яма не для него, – она перешла на повышенный тон.
- Маринка! Совсем с ума сошла такое болтать! – я увеличила громкость больше неё.
- Ага, давай-давай, скажи. Ну! – уже всюду орала она, зло подзуживая и откровенно провоцируя. – Скажи, черти тебя дер!

– Да! Подольский не такой! И никогда не был таким!

Последовавшая после моего запальчивого выкрика тишина почудилась зловещей.

– Мне жаль, Мира, – Марина за мгновение растеряла недавнюю злость. Она устало откинула голову на спинку дивана, – порой даже близкие люди открываются нам с тех сторон, о которых мы не подозревали и предпочли никогда не знать. Ты не можешь говорить какой он... больше нет. Он стал другим после того, как повёл себя по отношению к тебе. Почуввав единожды кровь, он не станет прежним, Мира... Можешь верить, можешь нет, но мне действительно жаль, подруга. Если хочешь проще, то просто прими как факт, что прошлого Геры, того, каким ты его знала когда-то, больше нет и никогда не будет. Оставь его в прошлом. Потому что настоящий тебе не нужен... При условии, что не хочешь оказаться там же, где я когда-то.

– Мариш, – глухо пробормотала я, на первом же слове, сглатывая перекрывший горло комок. Слушать исповедальные откровения о ней, о Бывшем, примеряя их на себя, мучительно. Адски... Я отказывалась верить её словам и вместе с тем понимала, что она намного ближе к истине. Но заглядывая внутрь себя, я верила, чувствовала, надеялась..., называйте, как угодно, но я просто знала – Гера не способен на абьюз. Не понимая, как объяснить, не в силах подобрать нужных слов, я твёрдо знала: он мог злиться на меня, за что-то ненавидеть, причинять мне боль, причём осознанно, видя в моих глазах страдание и упиваясь им. Да, я допускала всё это и соглашалась. Но то, что он психованный абьюзер, не соглашусь никогда. Возможно, это самонадеянно с моей стороны и фонило глупостью за версту, но я не верила,

что мой бывший муж, человек с которым я прожила семь лет душа в душу – чёртот психопат. Не мог же он все годы скрывать тайные помыслы, а затем ни с того ни с сего сорваться и пойти в разнос. Как знать, возможно психологи сталкивались с подобным в своей практике, но я ни за что не поверю, что столько лет жила не с заботливым, любящим, способным на искренние чувства мужчиной, а замаскированным психом. Бред чистой воды.

– Будем считать, ты на стадии отрицания, Мирка. Посмотрим, когда доберёшься до гнева, хотя я поставлю на то, что ты перескочишь гнев и начнёшь торговаться.

– Мне одной кажется, что сеанс психоанализа затянулся? Может отложим разговор?

– Ты слишком любишь своего ненаглядного Герочку, чтобы обвинять его в чём-то плохом и непристойном. Да, Мира? Ведь это ты во всём виновата! Так? Ты долго не могла забеременеть, значит неполноценна, как женщина. Наконец-то у вас получилось, но произошёл выкидыш, и ты потеряла ребёнка. Ещё одно наглядное для всех, особенно его родни, подтверждение твоей неполноценности и ущербности. Тогда как сам Подольский ведь ни в чём не виноват. Его семя дало всходы, но ты не смогла эти всходы взрастить. И не смей говорить, что я вру!.. Вместо того, чтобы утешить вернувшуюся с того света жену, он после больницы начинает обращаться с ней, как с подзаборной бродягой. Насилует, бьёт, унижает. Воспоминание о фотографиях твоих пострадавших гениталий, прости подруга, до сих пор вызывают тошноту и желание отправить их в полицию.

– Марина! – злобно одёрнула взбесившуюся фурию.

– Что Марина! – она снова орала, а я потирала виски. Что же за вечер сегодня такой, экспрессивный... – Заметь, ты ушла только тогда, когда он привёл в ваш дом, в Ваш, Мира, Дом. Под крышей которого вы спали, ели, жили. А он привёл проститутку с другом-похотливым-кобелём в придачу. И поймав на месте преступления, только тогда сподобилась порвать с уродом. Выходит, ты стойко сносила побои и скотское отношение, но не вытерпела соперницу. И попробуй только сказать, что я не права!

Марину не остановить: бешеный взгляд, злость на всех подряд, и поскольку я ближе всех, значит именно мне огребать.

– Когда он вытирает о тебя ноги, ревнует ко всем подряд без видимых причин, ты считаешь, что с этим можно мириться, с этим можно как-то жить. Он идёт дальше, и я подозреваю, что ты, прекрасно зная моё отношение к насилию в семье, рассказала далеко не все... хм, эпизоды. И можешь не утруждаться, убеждая меня в обратном. Я своего мнения не поменяю. Рядом с ним, ты стала считать себя никем. А он стал для тебя хозяином жизни, твоей личной вселенной, на которую надлежит денно и нощно молиться, воздавать хвалы, приносить жертвоприношения. На все твои действия, как пить дать, следовало заручиться его высочайшим разрешением, царским дозволением, чтоб ему пусто было. После всего, что ты пережила вместе со мной, когда выхаживала едва живую, ты позволяешь ублюдку себя избивать! Уму не постижимо! Мира! Как же так!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.